

Виктор Пелевин

BATMAN Pollo

Посвящается моим друзьям и сверстникам, поколению русских вампиров 1750–2000 гг. рождения — всем, кто вошел в эту жизнь как в приветливый ночной клуб, не зная, что приютившая нас ночь уже на исходе. В книге действуют герои романа «Empire V», но предварительное знакомство с ним не обязательно. Вы можете начать отсюда и прочесть «Empire V» потом. /РАМА ВТОРОЙ/

Виктор Пелевин

Бэтман Аполло

В жизни вампира есть тайная отрада и тихое счастье.

Они в том, что цивилизационные стандарты либерального гуманизма более не являются для него обязательными.

Граф Дракула

сверхчеловек — это звучит супергордо!

Предупреждение: книга содержит элементы живого разговорного русского языка (менее 0,016 % текста). Могут быть задеты сексуальные, политические и религиозные чувства читательницы, а также ее шизофренические и параноидальные комплексы. Автор не ставит такой цели и не несет ответственности за эффекты, возникающие в уме «Б» во время выработки агрегата «М5».

РИДМИДОК

Все, что вы знаете о вампирах, ложь.

Все, что вы можете прочесть или услышать о них в современном мире, не соответствует истине. Исключением является моя первая книга — «Empire V».

Это короткое вступление предназначено для тех, кто не читал ее — чтобы кратко объяснить, что такое вампир на самом деле.

«Empire V» написан юным и неопытным вампиром — и содержит некоторые фактические неточности, соответствовавшие моему тогдашнему уровню знаний. Поэтому, даже если вы прочли мой первый роман, стоит потратить на это введение несколько минут — будет полезно освежить в памяти ключевые понятия нашего мира. Но вы можете вернуться сюда и потом — если возникнет такая необходимость.

Ввести читателя в курс дела проще всего, объяснив термины «Empire V», которые встретятся ему в дальнейшем: это и означает вкратце описать нашу вселенную.

Итак, я начинаю — не в алфавитном порядке, а в той последовательности, в какой мысли приходят мне в голову.

1) «ЯЗЫК», ИЛИ МАГИЧЕСКИЙ ЧЕРВЬ.

Вампир по своей природе является двойным существом, подобием всадника, едущего на лошади. В самом Центре его черепа живет так называемый «язык» — древняя сущность высшей природы, находящаяся в симбиозе с его мозгом. Интенция магического червя обычно ощущается нами как наше собственное желание. Но язык — дополнительный мозг, поэтому вампиры намного умнее людей. И оттого намного несчастней. Как говорил «наше все» граф Дракула, «один ум плохо, а два — хуже».

Сравнение с всадником и лошадью очень точное: магический червь переходит из одного человеческого тела в другое и практически бессмертен. Поэтому в некотором смысле бессмертен и вампир — меняются только его человеческие оболочки. Разумеется, если вы работаете такой оболочкой, вам от чужого бессмертия не легче. Хотя определенные загробные предпочтения у вас все же есть.

Но об этом позже.

2) БОЖЕСТВЕННЫЕ ИМЕНА.

Именно вампиры когда-то открыто управляли людьми под видом эллинских и прочих богов. Потом по ряду обстоятельств мы ушли в тень — но по-прежнему сохраняем власть над миром. По древнему обычаю мы берем себе имена богов, которым поклоняются люди. Но это всего лишь лошадиные клички. Живущие в нас магические черви безымянны.

3) ХАМЛЕТ И ХАЛДЕИ.

Вампиры любят впадать в нирванический ступор, который наступает от прилива крови, когда мы свешиваемся со специальной перекладины головой вниз. Это связано с физиологией магического червя — но мы переживаем происходящее как собственную потребность и отраду.

У нас, конечно, немыслимые преимущества перед людьми. Мы вытирали бы ноги о список «Форбс», будь у нас хоть капля тщеславия. Но его нет — у нас другие потребности. Нам не интересно трахать дорогих проституток на океанских яхтах, занюхивая кокаином запах приближающегося распада. Любой из нас предпочтет провести несколько лишних часов в хамлете (так называется интимное помещение для зависания вниз головой). В этом наше служение, долг — и награда. Да и просто кайф, чего уж там.

Халдеи тоже начинаются на букву «Х». Больше никакого отношения к хамлету они не имеют. Это наши человеческие слуги, через которых мы управляем планетой. Можно было бы называть их криптоэлитой — если бы это не было так смешно.

Мне скучно говорить про них слишком много — вы и без меня все про них уже поняли. Да, вы видите их много раз каждый день. Если, конечно, смотрите телевизор.

4) BLOOD LIBEL.

Так называемая «кровавая клевета», или «кровавый навет». Издавна висящее на нас обвинение в страшном грехе — что мы якобы пьем человеческую кровь (вампиры старших поколений не употребляют это слово в устной речи и обыкновенно пользуются термином «красная жидкость», который в последние годы уже несколько устарел и все чаще заменяется аббревиатурой «ДНА» — особенно в Америке).

Надо, впрочем, признать, что этот слух распускают не желтые романисты, а мы сами. Более того, все придурковатые фильмы, книги и прочие эмо-франшизы про вампиров финансируем и внедряем тоже мы.

Мы сознательно стремимся спрятаться за грубыми мифологемами и примитивной сказочной образностью, в которую не поверит ни один взрослый человек. Это делает нас абсолютно невидимыми для общества. Мы считаем, что будет лучше, если нас ложно обвинят в грубом грехе, чем правдиво изобличат в тонком, о котором я скажу ниже. И потом, красной жидкостью мы тоже пользуемся. Но не в качестве пищи. См. также «Черный Занавес».

5) ДНА, КРАСНАЯ ЖИДКОСТЬ И ЕЕ ПРЕПАРАТЫ.

Красная жидкость — это основной информационный агент организма. Когда человек приходит в больницу, он сдает анализ крови — и через час доктор все про него знает. Ну или почти все. Вот так же и мы. Информация не заключена, конечно, в самой крови — она находится в пространстве, известном среди вампиров как «лимбо». Кровь содержит только шифры и коды, которые позволяют считывать сведения, имеющие отношение к данному человеку. Грубая аналогия — это удаленный сетевой доступ. Дегустируя чужую красную

жидкость, мы получаем все логины и пароли. Мы можем свободно проникать в чужой внутренний мир.

На этом принципе основана вся вампирическая информатика. Вампиры пользуются препаратами красной жидкости для доступа к знаниями другого человека. Даже если тот умер, особая очистка препарата позволяет сохранить часть его знаний и эмоций. Разница примерно как между живым цветком — и цветком, засушенным между книжными страницами. Однако некоторые вампиры — их называют «undead» — способны переходить грань между жизнью и смертью немислимыми для людей способами.

Особые технологии очистки позволяют отделять записанные в красной жидкости знания от личности обладавшего ими человека. С помощью таких препаратов можно мгновенно овладевать большими массивами незнакомых прежде сведений, совершенно не соприкасаясь при этом с чужой душой.

Различные препараты К.Ж. используются в наших информационных вампотехах и вампонавигаторах, о которых я расскажу в этой книге.

б) УМ «Б», АГРЕГАТ «М5» И ВЕЛИКАЯ МЫШЬ.

В быту мы едим, как люди, только предпочитаем экологические продукты. Если мы и сосем чужую кровь, то исключительно метафорически. Мы высшее на Земле звено пищевой цепи, потому что нашей пищей является сам человек, которого мы когда-то вывели именно с этой целью. Но мы питаемся не жидкостями человеческого тела, а его очищенной жизненной силой.

Под жизненной силой я подразумеваю не телесный жар, который имеет грубую животную природу, а психическую энергию определенного диапазона. Ее генератором является мозг, оснащенный второй сигнальной системой — то есть языком, на основе которого возникает абстрактное мышление.

Вся человеческая культура служит для этого генератора топливом. А все душевные метания людей становятся источником питающего нас психического излучения.

Его производит так называемый ум «Б», создав который много десятков тысяч лет назад, вампиры сотворили и современное человечество. Ум «Б» — это вовлеченная в лингвистическое мышление часть сознания, где слова и основанные на них образы сталкиваются и реагируют друг с другом, образуя нечто вроде смысловой вольтовой дуги, на которую человек замороженно глядит всю свою жизнь как на единственную реальность.

Один из наших поэтов уподобил язык, на котором говорят люди, тени Языка — магического червя, живущего в черепе вампира. Трудно выразить суть дела короче и точнее.

Даже некоторые халдеи не понимают, что «лингвистическим» является абсолютно все человеческое мышление, так как набор доступных людям восприятий определяется имеющимися у них «шаблонами узнавания», то есть словами. То, для чего нет слова, для 99,99 % людей не существует вообще. Поэтому человеческая культура с самого начала выстраивалась по нашим чертежам и никогда не отходила от них ни на миллиметр.

В соответствии с принятой у российских вампиров терминологией, культура состоит из двух агрегатов, «гламура» и «дискурса», сливающихся в гламуродискурс. Это и есть те электроды, между которыми возникает ослепительная дуга, скрывающая от человека все остальные аспекты бытия (вампиры других великомышеств пользуются иным терминологическим аппаратом, о чем я упомяну в этой книге — но суть дела не меняется).

Сжигая гламуродискурс, ум «Б» производит излучение особого рода, которое вампиры называют агрегатом «М5». Его социальной проекцией являются человеческие деньги. Это и есть пища вампиров.

Об истинной природе агрегата «М5» я буду говорить на этих страницах со всей неполиткорректной прямоотой.

Вампиры не ловят агрегат «М5» напрямую. На это способна только Великая Мышь — древнее бессмертное существо, являющееся своего рода сверхмассивной черной дырой в сверкающем центре каждой крупной национальной культуры. Место ее обитания называется «Хартландом» и представляет собой глубокую пропасть с пещерой на дне.

Великая Мышь не является физическим существом в том же самом смысле, в каком им является человек. Но физическое тело у нее есть — это гигантская летучая мышь с крайне длинной шеей, спрятанной в специальном каменном желобе с окнами. Обычно это тело недоступно людям. Но раз в несколько десятков лет к нему приживляют очередную человеческую голову, которая становится новым человеческим аспектом Великой Мыши — и ее новой антенной.

Мы зовем эту голову Ишгар; другим вампирессам не дают такого имени. Благодаря этой голове Великая Мышь способна поддерживать психический контакт с меняющимся миром на поверхности земли, создавая для людей их мечты, надежды и жизненные цели, которые и становятся в конечном счете баблосом. История того, как моя подруга Гера стала нашей новой Ишгар, описана в книге «Empire V».

Прежней голове Великой Мыши устраивают пышные похороны — а затем сохраняют ее в собственной камере в засушенном виде. С непривычки эта подземная галерея — довольно жуткое зрелище. Но мы привыкаем ко всему.

7) БАБЛОС И КРАСНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ.

Агрегат «М5» улавливается Великой Мышью и перерабатывается ею в баблос — священную жидкость, которую в древней мифологии называли амброзией, напитком бессмертия (слово «баблос» этимологически связано с Вавилоном, а вовсе не с «баблом» — хотя по сути эта ложная этимология совершенно правильна). Баблос — это подобие высококонцентрированной нефти, в которую конденсируются душевные метания и муки человека, уверенного, что он свободно выбирает маршрут своей судьбы в соответствии с личными вкусами и предпочтениями.

Обычный вампир живет не для того, чтобы висеть в хамлете. Он живет для того, чтобы сосать баблос. Процедура, во время которой это происходит, называется «Красной Церемонией».

Потребителем баблоса является не человек, носящий в себе магического червя, а сам магический червь. Что он при этом испытывает, вампиры не знают. Но для нас это крайне приятный опыт, результатом которого является трудноописуемое трансцендентное переживание, похожее на озарения человеческих мистиков.

Материальная основа этого переживания, как утверждают некоторые вампиры-диссиденты, в том, что баблос отключает на время ум «Б». Мы перестаем быть полулюдьми, ежесекундно производящими агрегат «М5» — и тогда проявляется наша сверхчеловеческая природа... В этом есть изящная рекурсивность — прием баблоса как бы на время освобождает вампира от необходимости вырабатывать баблос. Но абсолютной уверенности в том, что это именно так, у меня нет.

Именно благодаря баблосу магический червь и сохраняет свое бессмертие. Баблос занимает в нашей иерархии ценностей высшее место. Это «бесценный дар Великой Мыши, ее святое молоко», как сказал один наш поэт. Но сравнение с героином было бы более точным. Однажды попробовав баблос, вампир обречен страстно желать его всю свою жизнь. Человеческая озабоченность деньгами — лишь тень этой великой вампирической жажды.

8) РУБЛЕВКА И ХАРТЛАНД.

Российский Хартланд расположен в лесах недалеко от Рублевского шоссе.

Хотелось бы, чтобы читатель сразу понял — это не вампиры устроили там Хартланд,

потому что рядом Рублевка. Это Рублевка образовалась там, потому что рядом Хартланд. Нам никогда не нравилось соседство с нуворахами. Но это был удобный социальный буфер, позволивший отделить Хартланд от дикого поля — то есть всей остальной России. А сегодня мы предпринимаем все необходимые меры, чтобы Рублевка постепенно приходила в запустение, а расположенная здесь недвижимость теряла свою привлекательность и статус.

Наш идеал — вампирический анклав на безлюдном кладбище тщеславия. Мы хотим затеряться среди сотен выставленных на продажу мавзолеев воровской мечты, которых никто никогда не купит из-за их безумных цен. Такова продуманная стратегия, в соответствии с которой мы развиваем этот район.

9) ДРЕВНЕЕ ТЕЛО.

Как я уже сказал, материальность Великой Мыши несколько иная, чем у людей. Ее может лицезреть только вампир (кроме редчайших исключений по воле самой Мыши). Человек просто не сумеет обнаружить вход в Хартланд — и вопрос о том, где именно он находится, лишен для людей смысла. Вампир попадает в Хартланд, прыгая в пропасть. Во время этого прыжка он превращается в подобие огромной летучей мыши (конечно, значительно меньшего размера, чем титаническая Великая Мышь). Это и есть Древнее Тело, в котором, если верить нашей мифологии, магические черви жили на Земле за сотни миллионов лет до человека. Входя в Хартланд, мы опять становимся людьми.

Древнее Тело может использоваться вампиром для незаметных перемещений по физическому миру. Нас в это время не способен видеть никто из людей.

10) ЧЕРНЫЙ ШУМ И ЧЕРНЫЙ ЗАНАВЕС.

Это близкие, но не тождественные понятия.

«Черный Шум» — это информационная среда, окружающая современного человека. Информационные потоки, омывающие человеческое сознание, состоят из непредсказуемой комбинации множества тщательно просчитанных дезинформационных паттернов (как кто-то изящно выразился, Черный шум — это белый шум, все составляющие которого проплачены).

«Черный Занавес» — это аспект Черного Шума: информационная технология, позволяющая вампирам скрывать свой мир от людей. Она заключается в том, что различные явления вампирического быта принято прятать под информационными омонимами — то есть смысловыми масками, пустышками-симулякрами, карнавально дублирующими подлинные сущности нашего мира. Все книжные и кинематографические франшизы про вампиров, навязчиво переснимаемые и переписываемые каждый год — это элементы Черного Занавеса. У него есть даже лингвистическая проекция — именно ею обусловлены многие выражения, которыми, не понимая их сути, пользуются люди («he or she», «batman» и пр.).

Реальные события и процессы в мире вампиров сознательно искажаются и отыгрываются нашими слугами-халдеями в качестве полубессмысленного перформанса в пространстве человеческой культуры (отсюда и выражения «общество спектакля», «как внизу, так и вверх» и пр.). Поэтому никакая утечка сверхтайной информации вампирам не страшна — люди и так все уже «знают». В пространстве человеческой культуры не осталось ни одной чистой страницы, на которой можно было бы написать правду — все они исписаны хлопотливо-бессмысленным халдейским почерком, и никакое «мане, текел, фарес» просто не будет видно на этом фоне (см. «blood libel»).

Обилие «черного цвета» в этой терминологии не имеет физического или мистического смысла и вызвано исключительно эстетическими предпочтениями вампиров. Черный — наш национальный цвет.

11) ПОКРЫВАЮЩЕЕ ВОСПРИЯТИЕ.

Некоторые материальные аспекты нашей культуры — такие, как пещера Великой Мыши,

Древнее Тело и пр. — не могут быть скрыты с помощью одних только культурных манипуляций. У нашей маскировки есть еще один аспект, понять который бывает намного сложнее. Он называется «Покрывающее Восприятие».

Его суть в том, что элементы вампирической реальности просто не воспринимаются людьми — примерно так же, как «слепое пятно», пустое место в самом центре их поля зрения, где поток попадающего в глаз света проецируется на выход зрительного нерва. Слепое пятно можно обнаружить с помощью специальных опытов, заняться которыми я и предлагаю всем сомневающимся — они просты, и их описание легко найти в сети.

Запрещенные элементы реальности точно так же вычеркиваются из воспринимаемого человеком. Они как бы заклеиваются заплатой, повторяющей ближайший разрешенный паттерн восприятия. Такое штопанье реальности — одна из любимейших технологий человеческого мозга, и нам она очень кстати. Вампиры утверждают, что специально привили человеку этот навык в глубочайшей древности, когда выводили его в качестве кормового животного.

Механизм покрывающего восприятия не ясен мне до конца. Могу только повторить чужие слова (если вы их не поймете, не расстраивайтесь — их не понимаю и я). Как предполагается, вампир в Древнем Телe невидим для человека потому, что Крик Великой Мыши (см. ниже) заставляет человеческий мозг провести «принудительную инспекцию множественных набросков воспринимаемого и их предсознательную цензуру». Возможно, смысл этого заклинания в том, что нервная система человека на самом деле регистрирует все, просто мозг получает строжайшую команду отредактировать восприятие так, чтобы нас не было заметно.

Точно я знаю только одно — вампир в Древнем Телe невидим. Мало того, Покрывающее Восприятие помогает великим вампирам скрывать себя и свои мысли не только от людей, но и от менее опытных сородичей.

Вампира, летящего над городом в Древнем Телe, может увидеть лишь другой вампир — но не человек. Часто задают вопрос, виден ли вампир в это время на радаре. На это нет ответа, потому что речь идет не о физике явлений, а о человеческом восприятии. Даже если вампир и виден на радаре, изображающая его точка на экране не будет в это время видна никому. Кроме, конечно, другого вампира.

12) УКУС И КРИК ВЕЛИКОЙ МЫШИ.

Вампир умеет экстрагировать крохотную каплю красной жидкости из-под кожи живого человека, чтобы получить доступ к его внутреннему миру. Происходит это незаметно и почти произвольно, когда мы оказываемся рядом с интересующим нас субъектом. Это одна из наших сверхспособностей — своего рода дистанционный комариный укус. Требуется совсем чуть-чуть ДНА.

Контрольный укус позволяет старшим вампирам контролировать сознание младших, свободно проникая в их память и мысли. Но сознание вампиров, стоящих выше в нашей иерархии, остается закрытым для тех, кто в ней ниже. А в разум Великой Мыши не может заглянуть никто — даже, по большому счету, ее сменная человеческая голова. Именно степень личной непрозрачности и определяет ранг вампира — но это не четкая иерархия, а скорее некая неформальная табель о рангах, в которой постоянно происходят флуктуации и перемены.

Кстати, хочу упомянуть об одной своей смешной ошибке. В книге «Empire V» я рассказывал, как нашел в вампотекe своего бенефактора, покойного Брамy (от которого ко мне и перешел магический мозговой червь), странный препарат, отсутствовавший в каталоге. Он назывался «Укус и Крик Великой Мыши». Ознакомившись с ним без разрешения наставников, я пришел к выводу, что вампир пробивает кожу человека электрической искрой. Это, конечно, смешно.

В свое оправдание могу сказать только то, что в шестидесятые годы прошлого века у вампиров была мода на естественнонаучные объяснения собственного бытия — и они

действительно замеряли разность потенциалов между различными внутренними зонами своих клыков. Ее нашли достаточной для возникновения пьезоискры. Но саму искру так и не смогли обнаружить.

Покойный Брама не только собирал старинные маски, но и любил человеческую литературу, и сам был ей не чужд — у него была огромная коллекция литературных препаратов и коктейлей. Как выяснилось позже, данный препарат был наброском фантастического романа про робота-вампира. Препарат был сделан из ДНА одного литературного негра, вместе с которым Брама разрабатывал этот сюжет. А я принял все за чистую монету.

Впоследствии мои наставники объяснили, что укус вампира имеет другую природу. Клыки вампира (наш древний поэт назвал их «рогами победоносного») являются для магического червя чем-то вроде антенн. Через них он посылает в пространство психическую команду, которой не может противиться ни один организм. Эта команда называется «Крик Великой Мыши». Это что-то вроде гопнического «стоять, бояться!» — только в более развернутом виде: «стоять, бояться, все забыть!» Никаких звуков при этом вампир не издает.

Крик Великой Мыши делает укус незаметным для человека, и эту неощутимость еще можно худо-бедно объяснить с позиций человеческой науки.

Абсолютно необъясним, однако, физический аспект укуса. О нем можно говорить лишь метафорами.

После Крика Великой Мыши в крохотной частице крови человека зарождается подобие собственной воли. На время этой операции магический червь как бы проецирует в эту капельку крови свою сущность. И капле удается непостижимым образом ожить, пробить кожу (или, быть может, просочиться сквозь нее), оторваться от человека-носителя и повиснуть в воздухе, где вампир ловит ее своим ртом.

Одну из самых мрачных, но красивых интерпретаций этой технологии предложил мой знакомый профессор-теолог из Кишинева, который уже несколько лет работает у меня шофером-исповедником. Он сказал, что на время этой операции в капельке крови зарождается душа, которая стремится к спасению. Капля крови старается убежать из ненавистного и обреченного человеческого тела — и, благодаря чудовищному напряжению воли и состраданию космоса, оказывается на это способна. Когда она повисает в воздухе за пределами кожи, ее ловит рот вампира. «Душа» ее после этого оказывается как бы спасена, потому что возвращается в вампира, которому принадлежала изначально — ибо именно он зародил ее в капельке своим беззвучным криком. Но это, конечно, временное спасение, ибо речь идет о вампирической душе.

Ох уж эти теологи.

Я кое-что расскажу про них в этой книге. А сейчас, милая читательница, за мной! У вампира есть девиз — в темноту, назад и вниз!

Рама Второй,
Рублевская пустошь, полнолуние.

ПОЗОВИ МЕНЯ С СОБОЙ

Стоял один из тех упоительных российских вечеров, когда кажется, что все страшные страницы в истории Отечества уже перевернуты, и впереди — лишь светлые, безоблачные и радостные дни. Именно в такие минуты люди зачинают детей — потому что уверены в ждущем их солнечном счастье.

Вот только рождаются эти дети почему-то в феврале...

Мертвая голова Иштар лежала (мне хотелось сказать «восседала», как если бы речь шла о

большой жабе) на огромном золотом блюде.

Ее одутловатое лицо в складках старческого жира выглядело помятым несмотря на несколько слоев погребальной раскраски. Так казалось, наверно, оттого, что японец-гример изобразил вокруг ее закрытых глаз расплывающиеся черные кляксы, стекающие темными ручьями на снежно-белые щеки. В Японии это наверняка смотрелось бы стильно и напоминало о мире духов. В России — вызывало ассоциацию со смертью после долгого запоя, увенчанного безобразной дракой.

Голова парила над пропастью Хартланда.

На самом деле она, конечно, не парила — блюдо было укреплено на замаскированной цветами штанге. Но выглядело все так, как если бы голова висела над черной бездной, принимая последний салют от робко приближающихся к ее краю.

Голова выглядела величественно даже с черными потеками на щеках. Волосы, за которыми покойная при жизни застенчиво прятала свои косметические шрамы, были теперь подняты вверх и собраны в одну из тех диковатых громоздких причесок, какие она так любила в свои трезвые дни: за ее затылком блестела массивная золотая арфа, и рыжие пряди были привязаны к ее струнам, словно мертвая медуза давала окаменевшим слушателям свой прощальный концерт.

Так оно, по сути, и было.

Только пела не мертвая голова, а эстрадный певец с завязанными глазами. Он стоял у самого края пропасти рядом с двумя страхующими его охранниками.

Певец выглядел креативно, но странно. На нем был парчовый пиджак в стразах, радугах и звездах — и такие же шорты. Его борода сложной стрижки отливала невыносимым химическим цветом. Брюшко под пиджаком было слишком заметным, а ноги — слишком тонкими для такого большого тела. Можно было подумать, он надел шорты, чтобы его вид вызывал жалость и его не убили в конце корпоратива. Но тогда ему надо было сбрить бороду.

— Позови меня с собой,
Я приду сквозь злые ночи,
Я отправлюсь завтра в бой,
Чтобы Путин не порочил...

Слушателей было немного — небольшая группа на краю бездны. Их лица были торжественны и скорбны. Они были одеты во все черное — просто, изысканно и дорого. Слишком дорого для того, чтобы какой-нибудь gossip-колумнист мог оскорбить их пониманием этого обстоятельства. Цветовое однообразие их туалетов нарушалось только крохотными искрами другого цвета — запонкой, петличной розеткой или галстучной булавкой. Большинство было в годах — кроме одного в первом ряду.

Это был молодой человек лет около двадцати. Хотя он тоже был во всем черном, по виду он отличался от остальных. Трудно было даже сказать, что на нем — то ли странный комбинезон с капюшоном, то ли плотно обтягивающие тело штаны и куртка. Приглядевшись, можно было заметить в мочке его уха маленький бриллиант. Его кожа была бледной, будто ее намазали белилами. А поднятые гелем волосы — возможно, по контрасту — казались слишком уж темными, словно их выкрасили радикальной черной краской. Пожалуй, он походил на новую модификацию эмо-хипстера, слишком еще свежую, чтобы у нее успело появиться свое отдельное название в культуре. Но что-то в его глазах заставляло поежиться — и понять, что это просто маскировка.

В общем, как вы уже поняли, это был я.

Мужик в шортах еще пел — и некоторые из его слов доходили до моего сознания сквозь все

ментальные блоки. Если я правильно разбирал, песня выражала протест. Впрочем, я не был уверен, что понимаю все тревожные смыслы в исходящем от него информационном луче — такое с человеческим искусством бывало у меня все чаще и чаще.

— Ну и завещание накатала, — вздохнул стоящий рядом со мной Мардук Семенович. — Третью мышь провожаю, а такое вижу в первый раз... Хорошо хоть глаза им завязали...

Энлиль Маратович заглянул в программку.

— Последний, кажется, — сказал он. — Пародист этот уже был?

Мардук Семенович кивнул.

— Значит, точно последний. Уф, слава тебе...

Как всегда, он корректно не договорил. Вампиры такого ранга следят за своей речью весьма тщательно.

Я опять не выдержал и посмотрел туда, куда глядеть мне не следовало совсем.

Под головой Иштар стоял утопающий в цветах гроб с обнаженным телом молодой девушки.

Это было удивительно красивое и совершенное тело — за одним лишь исключением: у него не было головы. Зато у Иштар, вознесенной высоко над пропастью и гробом, не было тела — и вместе они составляли какое-то жуткое противоестественное единство. Тело девушки казалось жертвой, которую вытребовала для себя эта ненасытная голова, уже мертвая, но все еще пожирающая живых...

С трудом я отвел взгляд — и опять дал себе слово больше не смотреть в ту сторону. Я знал эту девушку еще когда голова у нее была. И с ней она мне нравилась куда больше.

Поляна вокруг пропасти не видела такого нашествия давно — а может быть, вообще никогда. Обычно здесь можно было встретить только спешащего вниз вампира. И встретить его мог только другой вампир: с трех сторон пропасть окружали заборы рублевских поместий, принадлежащих членам нашего коммьюнити, так что случайный визитер попасть сюда не мог.

Сегодня, однако, все было иначе. Если бы я не знал, где нахожусь, я вряд ли опознал бы это место: можно было подумать, вампиры проиграли войну людям — и капитулировали.

Пропасть, ведущая к дому Великой Мыши, была полностью открыта — первый раз на моей памяти. Серо-зеленый рулон, в который была свернута маскировочная сеть, придавал происходящему какую-то предвоенную тревожность — словно я видел перед собой открытую для последнего пуска ракетную шахту. Мало того, часть забора была разобрана, чтобы открыть дорогу к провалу. Но самым диким во всем этом зрелище была даже не висящая над бездной голова, а синий автобус, проехавший сквозь сделанную в заборе дыру и остановившийся всего в нескольких метрах от пропасти.

В нем сидели мужчины и женщины в париках, камзолах, вечерних платьях, черных фраках и сценических трико — в подтекающем на жару гриме, с тщательно завязанными глазами. Их выводили по одному, чтобы они отработали свой номер на краю обрыва. Затем им помогали вернуться в автобус.

Полагаю, это был самый выгодный корпоратив в их жизни — но вряд ли они знали, перед кем поют, декламируют и пляшут. Вероятно, они считали, что это какое-то совместное заседание воров в законе, ФСБ и Межбанковского Комитета, участники которого не хотят, чтобы их видели вместе.

Если называть все вещи своими именами, так оно и было. Именно поэтому, меланхолично думал я, у вещей и нет своих имен — а только те, которые дают им хитрые и расчетливые халдеи.

— Где разбитые мечты

Облетают снова в силу высоты...

Мужик в шортах наконец допел свой номер. Раздался сдержанный аплодисмент, и я тоже два раза хлопнул в ладоши. Певец поклонился в никуда, и охранники повели его назад в автобус, следя, чтобы он не оступился.

— Отмучались, — пробормотал Энлиль Маратович, когда певцу помогли подняться в салон. — Вроде обошлось.

Как только он это сказал, я понял — сейчас произойдет что-то жуткое. Так бывает, когда смотришь фильм ужасов, испытываешь облегчение от завершения какой-нибудь пакостной ситуации — и тут же понимаешь, что перевести дух тебе дали не просто так.

Я, естественно, не ошибся.

Вокруг меня раздался дружный вздох ужаса. Что было, кстати, действительно страшно, поскольку произвели этот коллективный стон не какие-нибудь людишки, а матерые старые вампиры, которых напугать сложно. Поэтому я заранее напрягся очень сильно — и, увидев, что именно вызвало такое содрогание в наших рядах, испытал скорее облегчение, чем новую волну страха.

Голова Иштар открыла глаза.

Ничего особенно жуткого в этом не было. Просто в центре двух черных потекших клякс появились два мутно блестящих пятнышка. Каждый из стоящих у пропасти вампиров много раз видел эти мутные пятнышки и прежде. Бояться было нечего — тем более что рот Иштар оставался закрытым: подключать ее к воздушной помпе никто не планировал.

Проблема, однако, была в том, что Иштар смотрела не на нас. Она смотрела на водителя автобуса, куда только что погрузили последнего клоуна.

Я не видел водительского лица. Я видел грудь в черной форменной рубашке и побелевшие руки на руле. Водитель яростно дергался на месте, словно потеряв контроль над собственным телом — и машиной заодно. Казалось, автобусом управляла чья-то злая воля. Он медленно ехал в пропасть.

Сидящие в автобусе актеры в повязках ничего не подозревали до той секунды, когда водитель начал кричать. Но и тогда они не проявили особого беспокойства — видимо, перед корпоративом им велели сохранять спокойствие при любом развитии событий. Лишь когда автобус накренился на краю, несколько человек сорвали повязки с глаз — и закричали тоже. Но делать что-либо было поздно.

Задние колеса взмыли над обрывом, и автобус исчез в пропасти.

Все замерли.

Сперва слышен был затихающий многоголосый крик. Затем стало тихо. А потом, через невыносимо долгий промежуток времени, долетел глухой всплеск. Он был таким тихим, что мы, возможно, не заметили бы его совсем, если бы не вслушивались так тщательно.

Первым пришел в себя Энлиль Маратович. Он подошел к краю и заглянул вниз. Потом внимательно поглядел в небо.

— Я хочу знать, что произошло, — сказал он. — Где Озирис?

— Озирис болен, — ответил вампир по имени Локи. — Печень.

— А кто его сейчас замещает? Кто у нас ныряльщик?

Локи пожал плечами.

— Другого нет, — сказал он. — Кроме тебя. Ты же знаешь, Энлиль.

Энлиль Маратович оглядел присутствующих. Его лицо выглядело спокойным, только один глаз сделался уже другого.

— Вы на полном серьезе мне говорите, что у нас нет штатного ныряльщика? И если я хочу узнать, что случилось, я должен прыгать туда сам?

Ответом было молчание.

Энлиль Маратович еще раз обвел нас глазами.

— Ну хорошо, — проговорил он спокойно и даже благодушно. — Я так и сделаю. Я выясню сам. А потом поговорю об этой ситуации с Герой. То есть с Иштар Владимировной. Благо это совсем рядом...

Он пошел к пропасти.

— Энлиль, — позвал его Мардук Семенович. — Ну зачем тебе самому мараться. Давай лучше... Ну хочешь, я прыгну? Я когда-то умел...

Энлиль Маратович не удостоил его ответом. Подойдя к самому краю дыры, он повернулся ко мне.

— Рама, — сказал он, — ты со мной. Иштар Владимировна хочет тебя видеть.

Я почувствовал на себе несколько завистливых и полных ненависти взглядов. Впрочем, за последнее время я к ним уже привык.

— Навести порядок, — велел Энлиль Маратович. — Через час все должно быть как обычно. Мардук, договорись с халдеями, чтоб этих артистов искали где-нибудь в другом месте... Пусть где-нибудь в Турции утонут.

Он развел руки в стороны, словно пробуя, не жмет ли пиджак — и кургузо повалился в пропасть. Я досчитал до пяти, побежал к обрыву и бросился следом.

Падение в Хартланд — одна из тех вещей, к которым не может до конца привыкнуть ни один вампир. Первые несколько секунд вниз летит человеческое тело — и нужно, чтобы в душе возник и разросся всепоглощающий страх, который и делает трансформацию возможной. Сначала для этого опыта нужен специальный препарат из красной жидкости Великой Мыши. Потом мы учимся обходиться без него. Чем опытнее вампир, тем меньше он боится — и, чисто теоретически, может случиться, что из-за недостатка страха он так и не сможет обернуться летучей мышью и разобьется о дно. Но чем реальнее делается такая возможность, тем больший страх она вызывает, поэтому, так или иначе, в Древнее Тело переходим мы все. Просто кто-то чуть раньше, кто-то позже.

По ощущению это похоже на то, что пальцам наконец удается зацепиться за воздух, сквозь который они летят. Это значит, что руки уже превратились в перепончатые крылья — и падение в черную дыру сменяется круговым парением в пропасти.

Я уже упоминал о вопросах, которые вызывает у трезвого человеческого рассудка (а им обладает любой нормальный вампир) эта процедура. Что такое эта трансформация? Происходит ли все на самом деле, или мы впадаем в подобие искажающего реальность сна? Или, быть может, мы от такого сна просыпаемся?

Мудрость вампира в том, что он не ищет ответов на подобные вопросы. До тех пор, пока его не вынудит жизнь. Я знал, что именно таков будет ответ всех старших товарищей. Но сказать такое самому себе, конечно, невозможно — и вопросы продолжают таиться в светлых уголках души.

Самая интересная (и мрачная, чего уж там) версия ответа, которую я встречал, содержалась в фантастическом рассказе одного вамполитератора девятнадцатого века. Его, понятное дело, никогда не печатали — во всяком случае, для людей.

Это была история про молодого бунтаря-вампира (тогда такие вещи писали без всякой иронии), который получает возможность совершить весь спуск в Хартланд в человеческом теле — и, вместо скрытого в бездне коридора, ведущего в пещеру Великой Мыши, оказывается на дне неглубокой старой шахты, на загаженных балках которой висят летучие мыши. В отдельном углублении, разрисованном непристойностями, висит очень старая и толстая летучая мышь, покрытая не то паутиной, не то плесенью... И это все.

Рассказ этот был написан одновременно с «Крейцеровой сонатой» и отражал язвительно-критическое отношение к традиционным общественным институтам. Считалось, что эти институты надо побыстрее разрушить, чтобы дать дорогу прогрессу. Люди в те годы планировали попасть таким образом в светлое будущее — и написали много подобного материала.

Этот рассказ в свое время заставил меня крепко задуматься над тем, куда же я каждый раз спускаюсь... В Хартланде было электричество. Там работали сделанные людьми машины. Но все это происходило исключительно по воле вампиров. Я совершенно не представлял, что будет со случайно — и самостоятельно — упавшим в Хартланд автобусом.

Но когда я спустился к поверхности воды, стало ясно, что ответа я не получу. Ударившись кулаками в каменный берег подземного водоема, я опять стал человеком — и увидел Энлиля Маратовича. Он сидел на краю черного озера на корточках. В неверном свете, падавшем на него из пещеры, он походил на пожилого рыбака.

Никакого автобуса видно нигде не было, только над водой висела какая-то необычная зеленоватая дымка.

— Иди, — сказал он. — Она ждет.

— А как вы будете...

Он страдальчески наморщился.

— Ну зачем тебе это знать, мальчик? Оставайся молодым, покуда можешь. Я серьезно тебе говорю. Иди.

Я кивнул и пошел в пещеру.

У входа в подземный зал я оглянулся. Энлиль Маратович все еще сидел на берегу. Мне показалось, что он собирается нырнуть в воду, но не хочет делать этого при мне. Из деликатности я пошел быстрее, стараясь ступать на металлический помост звонче — чтоб Энлиль Маратович не сомневался, что я уже далеко.

Тело Великой Мыши, висящее под высоким подземным сводом, казалось окаменелостью, трехмерным отпечатком невозможной древности. Но эта окаменелость дышала — и покрытые серой плесенью перепончатые крылья охватывали огромное бочкообразное тело чуть иначе, чем несколько дней назад.

Говорили, что Великая Мышь иногда раскрывает крылья — и это зрелище не для слабонервных. И еще меня каждый раз поражала толщина подходящих к ней шлангов, из-за которых она делалась похожа на ракету на стартовом столе. Конечно, эти гофрированные трубы предназначались не для баблоса — а для воздуха, воды и так далее. Но баблоса она тоже дает немало. Куда, спрашивается, он уходит? Я знал, что этот вопрос интересует не одного меня, а очень и очень многих.

У входа в алтарную галерею стояли две мраморные чаши, где складывали всякую всячину, скопившуюся за века на старых алтарях — при смене головы всегда шла общая уборка и чистка. В чашах лежали довольно неожиданные предметы — странными казались даже не они сами, а их соседство. Тут были кремниевые наконечники стрел, большой нож из темного металла с кольцом на рукоятке, хрустальный череп, серебряная пепельница-лапоть, белый телефон с гербом СССР на диске — но времени разглядывать коллекцию у меня не было.

Я знал, что Гера меня уже видит. Или, вернее, чувствует.

В галерее, как всегда, дул пронизанный электрической свежестью ветерок. Пыли на полу совсем не было. Несколько служительниц с закрытыми лицами при моем появлении тихо отошли в полутьму. Говорить с ними не полагалось. Я даже не знал, кто это — вампирессы или какие-то специально подготовленные халдейские женщины. Последнее, впрочем, было маловероятно.

Древние головы в каменных нишах были накрыты траурными белыми платками с анаграммой «МВ». Я не особо жалел, что эти сушеные седовласые тыквы сегодня скрыты от моего взгляда — даже самый короткий путь к комнате с живой головой успевал настроить посетителя на мрачный лад, лишней раз напоминая, что человек смертен не только внезапно, но и массово.

Во второй советской комнате произошло значительное событие — с реставрации вернулась голова Иштар Зурабовны (она провела на процедурах, кажется, лет тридцать). Я даже вздрогнул. Вот уж кого точно нужно было накрыть платком — но этого почему-то не сделали. Наверно, следовало дать ей подышать, чтобы из нее выветрились бальзамические соли. Впрочем, дело было не в этой горбоносой женской голове с седыми климактериальными усиками — ничего особо жуткого я в ней не находил. Просто чем ближе оказывалась актуальная голова Великой Мыши, тем сильнее я нервничал. Но так и должно было быть.

Дверь к покойной Иштар Борисовне уже была снята — теперь ее бывшая комната стала еще одним залом в галерее. Видна была придвинутая к стене мебель и траурный венок, закрывавший место, где жила голова. Пахло оттуда бинтами и смертью. Я подумал, что после того, как голову Иштар окончательно высушат и вернут на место, мне каждый раз придется проходить мимо сегодняшнего ужаса. Может быть, ей даже оставят глаза открытыми — это при современных технологиях бальзамирования вполне реально...

Галерея кончалась свежесрубленным в камне аппендиксом. В нем была высокая перламутровая дверь со строгой ручкой из белого золота. Выглядело все сдержанно — Гера любила неброский шик.

— Входи, Рама, — сказал невидимый интерком.

Дверь раскрылась, и я вошел.

Эта комната была больше остальных. Или, может быть, так казалось из-за того, что ее стены были полностью покрыты жидкокристаллическими панелями.

Они показывали уходящее во все стороны пшеничное поле. Над полем дул ветер, пшеница волновалась, а в небе собиралась синяя грозовая туча... И еще в поле стояло разлапистое дерево, такое большое и одинокое, что становилось непонятно, как это его еще не расшибли молнии. Красивый волл-сэйвер. Метафоричный.

Я медленно поднял глаза.

В одну из стен была вмонтирована огромная раковина-жемчужница из нежнейшего перламутра. Голова Геры была там, но я старался на нее не смотреть.

Эта раковина не особо мне нравилась. Возможно, дизайнеры имели в виду аллюзию на «Рождение Венеры» Боттичелли, но получилось у них больше похоже на писсуар в поместье арабского шейха. Я изо всех сил гнал эту мысль — но был уверен, что Гера поймает ее при следующем же укусе.

Впрочем, у меня имелся шанс. Можно было попытаться избежать укуса — а потом забыть это оскорбительное сравнение навсегда.

— Здравствуйте, Иштар Владимировна, — сказал я.

— Какая Владимировна? Рама, ты что? Для тебя я просто Гера. И почему ты на меня не смотришь?

Я посмотрел.

В центре раковины было отверстие, из которого выходила длинная живая ножка, похожая на часть огромного гриба — или хобот мамонта-альбиноса. С нее мне улыбалась голова Геры. Синяки под ее глазами уже прошли. Она выглядела хорошо. Но я смотрел не на нее, а на ее длинную мохнатую шею.

Говорили, что с годами она усыхает и темнеет — чем моложе голова Великой Мыши, тем

ножка длиннее и светлее, а отмирает голова, когда вся ножка вдруг втягивается назад. Происходит это нередко за один страшный день. По такой шкале Гера была очень молода, даже неприлично юна. Но я почему-то все время представлял, что произойдет, когда кончится отведенный ей срок — и ее щеки упрутся в перламутр. Голова тогда действительно будет походить на жемчужину в раковине. Возможно, дизайнер это и имел в виду. Ему, как я слышал, рассказали все-все.

Кроме того, что будет с ним самим.

— Знаешь, что сейчас наверху было? — спросил я.

— Знаю.

Она странно и сложно качнула головой.

Я понял, что жест адресован не мне, а жидкокристаллическим панелям: на ее шее был ошейник с программируемыми гироскопами, которым она отдавала команды спрятанной в стенах технике — и своей сидящей в соседних комнатах свите. А у прошлой Иштар был большой-пребольшой ноутбук со специальным трэкпэдом. Как быстро меняется эпоха.

Стены показали поверхность земли у входа в Хартланд. У меня мелькнуло головокружительное чувство, что я за секунду взлетел назад — на самый край рублевской бездны.

Я увидел синий автобус с актерами, подъезжающий к краю пропасти. В записи было видно, что водитель изо всех сил крутит руль, пытаясь отвернуть от дыры — но это у него не выходит, словно Иштар загипнотизировала не его, а автобус (у автобуса была добрая большеглазая морда, которая теоретически делала такое возможным).

— Жуть какая, — сказал я. — Как это могло случиться?

— Наколдовала, — ответила Гера.

— Да, — сказал я. — Я про Медузу горгону подумал.

— Хватит об этом. Энлиль сейчас выяснит и все расскажет.

— Ладно, — сказал я. — Ты вообще как?

— Мне у Энлиля дела надо принимать, — вздохнула она. — Сегодня или завтра. Все сроки прошли, а я боюсь.

— Как это происходит?

Она покосилась на меня.

— А то не знаешь. Кусаешь, и все.

— И больше никаких формальностей? Никаких ритуалов?

— Нет.

— А чего тогда боишься?

— Говорят, это необратимо. Энлиля ведь никто не кусает. Он знает слишком много. С этим потом жить тяжело. У него почему хамлет над пропастью? Чтоб оттягивало... Ладно, Рам, это все мои проблемы, чего я тебя грузю. Ты сам-то как?

— Так же. Наши меня ненавидят. Они думают, я тут с тобой баблос пью целыми днями.

Гера наморщилась.

— Не надо мне про баблос. Ты хоть знаешь, что это такое, когда он идет? Как месячные, но раз в десять противнее. Ты все равно не поймешь. Жаль, меня кусать нельзя, а то бы я показала.

— Слушай, а куда весь баблос уходит? Никто этого понять не может. Почему его так мало?

— Этим Мардук с Ваалом занимаются. Контроль у них. Я тут ничего не решаю. У Борисовны, кстати, тоже баблоса никогда не было.

— Но тебе-то самой дают?

— А зачем? На меня он все равно больше не действует. Он теперь у меня в метаболизме.

— Тебя предупреждали?

Гера отрицательно покачала головой. Движение вышло куда более выразительным, чем у человека с обычной шеей.

— Даже не упоминали. Сказали только, что за успех в жизни надо платить. И чем больше успех, тем больше плата. Ну а если становишься королевой, то и плата должна быть королевская...

— Это тебя Энлилль разводил?

— Нет, — ответила Гера. — Иштар Борисовна. Это она меня выбрала. Она так сказала — какая бы ты красивая ни была, а после тридцати все равно никому из мужиков нужна особо не будешь. А тут они за тобой до конца увиваться станут. Сколько проживешь. И потом, королева может с собой что хочешь сделать. Придумать себе любой образ и запустить в мир. Хоть певица, хоть топ-модель. Будешь на себя смотреть по телевизору, а остальные будут верить. И если приложить чуть-чуть воображения, то и сама постепенно поверишь... Что это ты и есть... Вытри мне слезы...

Я вынул из кармана платок — теперь я всегда имел с собой несколько — и приложил к ее лицу. Но слезы у нее текли все сильнее.

— Она прямо как мама со мной была. А мамы у меня не было... Представляешь, тебе говорят — дочка, хочешь быть королевой? Я тебя научу... Если только ты сможешь. Вот я и подумала — смогу или нет? И решила, что смогу.

— И как, получается?

Она невесело засмеялась.

— Я кино недавно смотрела про Елизавету Вторую, — сказала она, — и одну вещь поняла. Знаешь, что делает тебя королевой? Исключительно объем говна, который ты можешь проглотить с царственной улыбкой. Нормальный человек сблюет и повесится, а ты улыбаешься и жрешь, улыбаешься и жрешь. И когда доедаешь до конца, все вокруг уже висят синие и мертвые. А ты их королева...

— Я сейчас заплачу, — сказал я.

— Не надо. Иди сюда, дай я тебя поцелую.

Я послушно подошел и обнял прижавшуюся ко мне мохнатую шею — за последние дни я к этому уже привык. Если закрыть глаза, казалось, что обнимаешь верблюда или жирафа. Губы у Геры были точно такими же, как раньше — только теперь мне чудилось, что из ее рта пышет каким-то странным жаром, словно у нее гриппозная лихорадка.

Потом ее голова скользнула вниз.

К этому я тоже уже привык. Она расстегивала молнию зубами, и ей не нравилось, когда я ей помогал. Но сегодня у нее никак не получалось, и мне пришлось это сделать самому.

Я гладил ее волосы и смотрел на автобус, раз за разом опрокидывающийся в черную пропасть. Мне казалось, что я тоже превращаюсь в такой автобус, который все падает и падает, но никак не может упасть окончательно... А когда автобусу это наконец удалось, голова Геры поднялась к моему лицу. На ее глазах были свежие слезы.

— Ты меня теперь не любишь, — сказала она. — Совсем.

— Не кусай меня за это место. Лучше за шею.

— Какая разница. Ты... Ты никакого удовольствия не получаешь, когда я это тебе делаю.

— А что ты хотела, — ответил я, застегивая штаны. — Каждый день четыре раза. Мне все говорят — Рама, ты бледный стал, как вампир. Издеваются.

— Я эти пять минут чувствую себя живой, — прошептала она жалобно. — Прежней.

— Я только что тебя прежнюю видел, — сказал я. — Наверху.

Я тотчас пожалел, что эти слова сорвались с моего языка. Но вернуть их было уже невозможно. Гера заплакала еще сильнее.

— Вам, мужикам, кроме пизды от женщины вообще ничего не надо, — прошептала она. — Наверху не я. Это мое бывшее тело. Ты понимаешь разницу?

— Угу, — сказал я мрачно. — Понимаю. Извини.

Из коридора донеслись приближающиеся шаги.

— Вытри мне слезы, — велела Гера.

Я быстро привел ее щеки в порядок. Мне показалось, что ее глаза высохли сами — они стали злыми и колючими.

В комнату вошел Энлиль Маратович.

Его костюм был совершенно мокрым, в зеленовато-коричневой тине и пятнах масла. Прядь волос с затылка некрасиво прилипла к высокому лысому лбу. В первый момент мне показалось, что он специально привел себя в жалкое убожество, стараясь избежать выволочки. Я почувствовал легкий укол презрения — а потом увидел его глаза, и понял, что ошибся.

И как!

В его зрачках словно догорали огни неземного заката, который он только что видел. Закат этот был страшен и багров. Я непроизвольно шагнул назад. Даже голова Геры подалась назад на своей мохнатой ножке. Энлиль Маратович понял, какое мрачное впечатление он произвел — и попытался улыбнуться. Мне стало еще страшнее. Тогда он на несколько секунд закрыл глаза и лоб ладонями. Из них вынырнуло его прежнее — правда, грязное и усталое — лицо.

— Моя королева, — сказал он, приседая в элегантно-ироничном поклоне, — я все выяснил.

— Почему она ожила? — спросила Гера.

— Она не оживала, — сказал Энлиль Маратович. — Все было заранее подстроено. Думаю, что Иштар Борисовна обдумывала завещание не год и не два.

— Рассказывай, — велела Гера.

— У Иштар Борисовны в последние годы жизни образовался своего рода ближний круг. Всякие актеры и фокусники, которые ее развлекали по видеосвязи. Что-то вроде выводка болонок. У них даже специальный зал был для видеоконференций. Она с ними под коньячок по десять часов иногда трындела — им в три смены приходилось работать. А они про нее, натурально, ничего не знали. Им было сказано, что это чья-то там жена, в монастырь сосланная. Поэтому такая секретность. Платили много. В общем, привыкли они друг к другу, и Иштар Борисовна, видимо, решила их с собой прихватить на память. Она это долго готовила. Несколько лет. Сама программу концерта написала. Она... Я не знаю, что она думала. Но я точно знаю, что думал ее сообщник.

— Кто?

— Который последним пел. В шортах. У него в кармане был брелок, типа как от машины. Ему кнопку велели нажать, как допоеет. Ну не просто, конечно, а за большие деньги. Иштар ему сказала по секрету, что это будут ее похороны и она хочет всех напугать — мол, откроются глаза на специальных пружинах. Она ему даже макет головы показала с этими пружинами. Вместе репетировали, по видеосвязи. И она каждый раз рыдала. Поэтому он ей верил и не боялся. Даже жалел немного. Что с автобусом будет, он не знал. Хотя, когда «позови меня с собой» пел, что-то такое начал чувствовать...

Гера посмотрела на экран, где крутилась закольцованная сцена только что случившейся катастрофы — автобус в очередной раз переваливался колесами через край пропасти.

— Нет худа без добра, — сказала она. — Зато халдеев напугали.

Мне показалось, что в ее лице действительно появилось нечто королевское.

— А хорошо сделала старушка, — продолжала она. — Открыла глаза и... Как там? Позвала с собой. Значит, на пружинах? Надо запомнить...

Она коротко и надменно глянула на меня.

— Мне тоже, наверно, будет нужен свой ближний круг. Свой двор. Чтобы я их всех на экранах видела, а они меня... Скажем, на кушетке. Сделаем мне виртуальное тело-люкс. Но это потом. Ты молодец, Энлиль. Не стареешь. Быстро раскопал. Только почему сам? Тебе чего, послать некого?

Энлиль Маратович виновато пожал плечами.

— Озирис при смерти, — сказал он. — А нового ныряльщика нет. Никто не хочет.

— Почему? — нахмурилась Гера.

Энлиль Маратович покачал головой.

— Это долго рассказывать.

— А мне и не надо ничего рассказывать. Поди-ка сюда. Мне как раз у тебя дела принять надо...

Энлиль Маратович посмотрел на меня — и по тревоге в его глазах я понял, что он не так представлял себе этот момент. Но отказаться он не мог.

— Иди-иди, — сказала Гера.

Энлиль Маратович решительно шагнул к ней и опустился возле ее перламутровой раковины на одно колено. Голова Геры проплыла мимо его шеи, чуть заметно дернулась и поднялась вверх. Потом Гера закрыла глаза.

Ее лицо вдруг покрылось сеткой морщин — словно оно было сделано из стекла, которое разбил попавший в него камень. Минуту она, казалось, боролась с собой, чтобы не закричать.

И победила.

— Ой как все сложно, — сказала она, не открывая глаз. — Невероятно.

— Да, — грустно согласился Энлиль Маратович. — Вот так.

Они замолчали. Голова Геры с закрытыми глазами покачивалась на изогнутой ножке, а Энлиль Маратович стоял перед ней, преклонив колено. Он был похож на предводителя пиратов, пришедшего к королеве поменять золото на рыцарское достоинство.

Я подумал, что монарх считается у людей высшим арбитром в вопросах благородства и чести — и может поэтому назначить рыцарем хоть пирата, хоть банкира. Но вот действует ли во время такой процедуры закон сохранения импульса? Не делается ли в результате царствующий дом слегка пиратским и немного ростовщическим? И продолжают ли после этого сиять на небосклоне чести эмитируемые им рыцарские титулы? Вряд ли, ой вряд ли. А уж про ордена рангом ниже вообще говорить нечего. Имя им — почетный легион...

Тут до меня дошло, что мой ум пережевывает одну из самых древних мыслей на земле, несчетные разы изложенную в ядовитейших памфлетах, от которых не осталось даже пыли — и только общий упадок спроса на королевские услуги заставляет меня видеть в ней что-то новое.

Пока я был занят этими размышлениями, прошло несколько минут тишины.

А потом Гера открыла глаза.

Ее лицо постарело на десять лет. Это вообще было не ее лицо. Это было лицо человека, который знает очень много страшного. Слишком много, чтобы имело значение что-то еще.

— Тебе больше нельзя так нырять, — сказала она Энлилю. — Случится что-нибудь, на кого все останется? Нужно молодого...

Она посмотрела на меня.

— Давай вот его назначим.

— Слушаю, Иштар Владимировна, — сказал Энлиль Маратович, поднимая на меня глаза. — Только Озирис не должен его учить. Он...

— Я знаю, — ответила Гера. — Мы пошлем нашего Раму...

Она заговорщически подмигнула Энлилю Маратовичу.

— Пошлем его... За границу. Пусть от нас отдохнет, раз ему здесь душно. Когда следующее

посвящение в undead?

Энлиль Маратович секунду думал.

— Через пять дней.

— Вот и отправим. Нам нужен хороший ныряльщик. Того же Озириса кто пойдет провожать?

— Верно, — вздохнул Энлиль.

— Рама, поедешь учиться, — сказала Гера. — А теперь иди. Собирай сумку. У нас много дел.

В ее голосе не было ни раздражения, ни обиды. Вообще ничего личного. Просто у нее и правда было много дел. Слишком тяжелых даже для ее новой шеи.

Я понял, что мне до сих пор ее жалко. Но ее не следовало жалеть. Она была королевой.

Она улыбалась мне — и ждала, когда я уйду.

Отвесив неловкий поклон, я повернулся и пошел прочь.

Когда я выходил из подземной галереи, я заметил на чаше одного из алтарей маленький жестяной автобус синего цвета. Это была детская игрушка прошлого века размером с пачку сигарет, сделанная из пластика и жести. Автобус был старым и поцарапанным, словно несколько детсадовских поколений играло им в песочнице. Но я готов был поклясться, что час назад его тут не было.

Мало того, под ним натекла крохотная лужица воды.

ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

Два дня про меня никто не вспоминал.

Я не очень переживал по этому поводу. В моей московской квартире для таких случаев был хамлет.

На третий день позвонил мой бывший ментор Локи — и попросил приехать на дачу к Ваалу Петровичу. Во мне дрогнуло радостное предвкушение — к Ваалу молодые вампиры чаще всего ездили на Красную Церемонию. Но Локи тут же вернул меня с небес под землю.

— Баблоса не будет, губу не раскатывай, — сказал он. — Это инструктаж насчет командировки. Оденься попрличней.

Я не понял, зачем нужно наряжаться на инструктаж, но на всякий случай надел свой лучший костюм и тщательно причесался.

Когда я сел в машину, Григорий, изучив меня в зеркальце, три раза бесследно сплюнул через плечо и перекрестился. Видимо, я выглядел достойно.

— Куда едем, кесарь? — спросил он.

— На дачу к Ваалу.

— А это где?

— Сосновка, тридцать восемь, — сказал я. — У тебя есть в компьютере. И без реприз сегодня, а то у меня настроение плохое.

Мы потащились к выезду из Москвы, и вскоре я уснул — а проснулся, когда мы проезжали проходную в утыканном телекамерами заборе вокруг дачи Ваала Петровича. На стоянке перед зданием с колоннами (это была не вариация на тему Ленинской библиотеки, как я первоначально думал, а уменьшенная реконструкция кносского дворца, где жил Минотавр) стояло несколько темных лимузинов. В сборе были все шишки. Я почувствовал неприятный холодок в животе. Чего им опять от меня надо?

— Ни пуха, кесарь, — сказал Григорий.

— Сам знаешь куда, — ответил я.

— Если не вернетесь, через два дня поставлю машину в гараж. Звоните тогда на мобильный.

Шоферы и крысы первыми чувствуют надвигающийся удар судьбы, это знает любой российский ответработник — и вампиры здесь не исключение. Слова Григория окончательно погрузили меня в тревогу — и я подумал, в который уже раз, что надо бы его уволить. Просто из экологических соображений.

Ваал Петрович ждал у дверей. Он был неприлично румян и напоминал шар дорогой ветчины, закатанный в черную пару и украшенный лихими усами.

— Рама, — сказал он, — идем быстрее. Все уже ждут.

Он взял меня под руку и потащил за собой.

Зал, где проходили Красные Церемонии, был затемнен — таким мрачным я его не видел никогда. Внутри горели свечи — слишком малочисленные, чтобы осветить такое обширное пространство. Огромное золотое солнце на потолке, в котором отражались их огоньки, казалось тусклой луной. Кресла для приема баблоса были зачехлены.

В центре зала стояли Энлиль Маратович, Локи и Бальдр. Я узнал их скорее по силуэтам, чем по лицам. Рядом возвышался какой-то узкий несимметричный стол.

— Только не пугайся, — шепнул Ваал Петрович.

После таких слов, понятное дело, немедленно начинаешь искать, чего бы испугаться — и я быстро нашел.

Это было нетрудно.

То, что я принял за узкий стол, было на самом деле гробом. И сразу стало ясно, для кого он предназначен. Мне вспомнился гангстерский фильм, где члена мафии, ожидающего ритуального повышения в иерархии, вводят в комнату собраний, чтобы пустить ему пулю в затылок — и за секунду до выстрела он успевает это понять...

Я инстинктивно рванулся в сторону, но Ваал Петрович плотно сжал мой локоть. Я тут же пришел в себя. Это, конечно, были слишком человеческие страхи — и мне стало за них стыдно. Никто из вампиров не выстрелит мне в затылок, пока в моем мозгу живет магический червь.

— Рама, — сказал Энлиль Маратович торжественным тоном, — я с волнением и гордостью слежу за твоим возвышением в нашей иерархии. Сегодня у тебя и у всех нас, твоих старших друзей, особенный день.

— Зачем здесь этот гроб? — спросил я.

Мне ужасно не понравился звук собственного голоса — сначала хриплый, а потом визгливый. Видимо, я все еще был слишком испуган.

Старшие вампиры засмеялись.

— Ты принимаешь посвящение в undead, — сказал Энлиль Маратович.

— Что это такое? — спросил я тем же дурным голосом.

— Undead — высшая каста среди вампиров. Те, кто способен по своей воле входить в лимбо. Я прокашлялся, и говорить стало чуть легче.

— А что такое лимбо?

— Ты узнаешь это после посвящения.

— А в чем оно заключается?

— Тебе предстоит пройти врата лимбо.

— Это как?

— Ты отправишься в священное для всех вампиров место, — сказал Энлиль Маратович. — В замок великого Дракулы. По дороге туда ты и пройдешь врата. Посвящением является само путешествие. Если ты придешь в себя в замке, это значит, что ты его прошел.

Я обратил внимание на это «если».

— Прибыв в замок, — продолжал Энлиль Маратович, — ты уже будешь undead.

— А что произойдет в замке?

— Ты получишь все требуемые объяснения. И обучишься великому древнему мастерству. То же самое случилось когда-то со мной — и глубоко изменило мою жизнь. Ты вернешься сюда другим. И станешь одной из могучих опор, на которых покоится наш ампир...

Возможно, Энлиля Маратовича вдохновила на эту метафору желтая колоннада, окружавшая дом Ваала Петровича. Только эти квадратные колонны, насколько я мог судить, выполняли чисто декоративную функцию — и ничего не держали.

— Место, куда ты отправляешься — не обычный физический замок, в который может попасть кто угодно. Это порог лимбо. Сейчас ты все равно не поймешь природы происходящего. Но ты должен знать, что это место — одна из наших святынь. Наша Мекка, если угодно. Туда по обычаю отбывают в специальном гробу.

— Вы действительно хотите, чтобы я в него лег? — наморщился я. — Вы серьезно?

— Абсолютно, — сказал Энлиль Маратович. — Это древнейший обычай, Рама. Такая же важная черта вампоидентичности, как черный цвет.

— Чем я буду дышать?

— Там есть вентиляция. Но она особо не нужна. Все время путешествия ты будешь в трансе. Мы дадим тебе специальную микстуру из смеси баблоса со снотворными травами и красной жидкостью ныряльщиков, прошедших это посвящение. Ее делают для таких путешествий уже тысячи лет. Локи все приготовил.

Локи показал мне маленькую черную бутылочку — и почему-то ее вид успокоил меня. А может быть, дело было в слове «баблос», на которое любой вампир реагирует одинаково.

— Когда надо будет ехать?

— Прямо сейчас.

Я опять почувствовал спазм страха.

— Но меня никто не предупредил!

— Никого не предупреждают, — сказал Энлиль Маратович. — Все должно быть внезапным, как смерть. В этом красота жизни.

— Я даже вещей не собрал!

— Они тебе не понадобятся. В замке Дракулы у тебя будет все необходимое. И даже больше.

— Это надолго?

Энлиль Маратович отрицательно покачал головой.

— Курс обучения короткий, — сказал он, — всего пара лекций.

— А нельзя ли на самолете? — спросил я. — Вот вы, Энлиль Маратович, на собственном «Дассо» летаете. А я в гробу поеду, да?

— Рама, ты меня разочаровываешь, — нахмурился Энлиль Маратович. — Тебя ждет самое волнующее в жизни вампира событие, а ты тут ваньку валяешь...

Я уже пережил несколько «самых волнующих событий» в жизни вампира — и остался жив не без труда. Так что слова Энлиля Маратовича не вызвали во мне особого энтузиазма. Но мне стало неловко за свое малодушие.

— Ты хоть знаешь, куда ты едешь? — продолжал Энлиль Маратович. — В самый настоящий воздушный замок!

— Воздушный замок? Как это?

— Так. Другие вампиры всю жизнь мечтают туда попасть — и не могут. А ты... Вампир должен быть романтиком!

Я мрачно кивнул.

— Настраивайся на серьезный лад. У тебя появятся новые друзья из других стран. Ты

должен будешь с честью представлять русских вампиров — и показать всем, что наш дискурс непобедим! На тебя смотрит Великая Мышь!

— А когда я вернусь?

— Как только все кончится, — ответил Энлиль Маратович. — Ты встанешь из этого же гроба. В этой же комнате. Но сам ты будешь уже другим.

— Хорошо, — сказал я. — Что мне делать?

— Ложись в гроб. Давай, мы поможем...

— Не сомневаюсь, — пробормотал я.

Ваал Петрович присел на четвереньки возле узкой подставки, на которой стоял гроб, а Локи, вынув из нагрудного кармана черный платок, расстелил его у него на спине. Они проделали это так слаженно, словно репетировали номер каждый день. Видимо, это тоже была какая-то важная для вампоидентичности традиция.

Я догадался, что мне следует наступить на платок — но из вредности поставил ногу на спину Ваала Петровича за его краем — прямо на поясницу. Он покачнулся, но выдержал мой вес.

В гробу было уютно и эргономично — чувствовалось, что это дорогая и качественная вещь. Но озаренные зыбким светом лица склонившихся надо мной вампиров выглядели жутко. Меня мучило плохое предчувствие. Я пытался успокоиться, напоминая себе, что оно посещало меня почти каждый день с тех пор, как я стал вампиром. Но это не помогало, поскольку я помнил — каждый раз оно так или иначе оказывалось оправданным.

— Пей, — сказал Энлиль Маратович.

Локи поднес черный флакон к моему рту.

— Это как у товарища Сталина, — сказал он сюсюкающим неискренним голосом, — висела над смертным одром такая картина. Где козленка кормят из бутылочки молоком...

Я не успел выпить всей жидкости — Локи оторвал флакон от моих губ, когда в нем оставалась еще почти половина, и у меня мелькнула догадка (за долю секунды переросшая в уверенность), что он хочет утаить часть баблоса, который очистит потом от присадов, и его болтовня про товарища Сталина — просто попытка заговорить мне зубы.

Наши глаза встретились, и я окончательно понял, что прав. Я уже открыл рот, чтобы пожаловаться на происходящее, но Локи еще говорил, причем слова, срывавшиеся с его губ, становились все длиннее и длиннее, так что совершенно невозможно было дождаться конца фразы:

— Товарищ Сталин на этого козленочка еще пальцем показывал, когда ему дали выпить яду через соску... Ха-ха-ха!

Микстура уже начала действовать — тройное «ха» показалось мне раскатами грома. Вампиры, желто-черные в дрожащем свечном свете, застыли и сделались похожи на собственные надгробные памятники.

— Bon Voyage! — прогрохотал голос Энлиля Маратовича, и что-то закрылось — то ли мои глаза, то ли крышка гроба, то ли все вместе. Стало темно и тихо.

И это было хорошо.

И не надо было ничего менять.

Никогда.

Что-то, однако, мешало моему мрачному блаженству — и я быстро понял, что именно. Это было дыхание.

Вернее, возникшие с ним проблемы.

В конце каждого вдоха мне не хватало воздуха. Сначала совсем чуть-чуть — но постепенно это становилось все заметнее, словно мой нос и рот были закрыты пластиковым пакетом и я

вдыхал и выдыхал один и тот же объем газа, в котором с каждым разом оставалось все меньше кислорода. Наконец это стало невыносимым — и я постучал в крышку гроба, чтобы Энлиль и Локи открыли ее и проверили вентиляцию.

Стука, однако, не получилось. Я вдруг с ужасом сообразил, что они могли уже уйти из зала, оставив меня одного в испорченном — или просто не включившемся нужным образом — транспортном контейнере. Черт бы побрал этот традиционализм. Я попытался произвести хоть какой-то шум, но это было невозможно — все внутри гроба было мягким и упругим. Кажется, я закричал — но было сомнительно, что снаружи меня услышат.

Я понял, что через несколько холостых вдохов окончательно задохнусь — и стал яростно шарить руками вокруг себя, пытаясь обнаружить щель. Но створки гроба были соединены плотно, и никакого зазора между ними не ощущалось.

Я подумал, что меня, вероятно, решили зачистить по приказу Великой Мыши — и ничего теперь не поделать. Мне захотелось встретить смерть, сложив руки на груди. Я поднял их, насколько позволяло узкое пространство под крышкой, и вдруг обнаружил над своим солнечным сплетением круглый кружок металла — совсем маленький цилиндрический выступ размером с бутылочную пробку. По краям его покрывала шероховатая насечка, как на шишечке английского замка. Я попробовал повернуть его — и это получилось. Раздался тихий щелчок, и зашипел воздух — то ли входящий, то ли, наоборот, выходящий из гроба. Только тут я заметил, что до сих пор выкрикиваю что-то. Я пристыженно замолчал.

Меня охватил неожиданный покой — даже расслабленность. Я понял, что чуть не стал жертвой паники. Впрочем, если бы провожавшие меня господа предупредили меня об этой ручке вместо того, чтобы делиться информацией о последних минутах столь дорогого им генералиссимуса, паники можно было бы избежать.

Откинув крышку, я сел в гробу. В зале было совершенно темно — мои экономные провожатые погасили все свечи. Видимо, они вышли из зала сразу же после того, как за мной закрылась крышка — без излишней сентиментальности. К счастью, у меня в кармане пиджака была зажигалка.

Я поднял ее повыше, щелкнул пьезокнопкой — и тут же испытал второй приступ страха, даже более сильный.

Я был в другом месте.

Гроб стоял в низком склепе со сводчатым потолком. То, что это склеп, было ясно с первого взгляда — вокруг стояли другие гробы.

Как ни плохо мне было три минуты назад, мне захотелось немедленно спрятаться в гробу — и я уверен, что именно так и поступил бы, работай вентиляция. Но только что пережитый страх задохнуться оказался сильнее.

Нехватка кислорода все еще давала себя знать — перед глазами плавали желтые круги. Я с горечью подумал, что меня, скорей всего, никто не собирался убивать — просто Локи решил по русскому обычаю украсть немного баблоса и не рассчитал последствий... Или, наоборот, все рассчитал — и решил, что пара минут моей агонии в запертом гробу вполне приемлемая цена за несколько секунд личного счастья. Чем не государственное мышление... Можно даже считать это последним уроком ментора ученику. Впрочем, как учил меня тот же Локи, вампиру следовало давить ресентимент в зародыше, а охватившие меня чувства попадали именно в эту категорию.

Я дал зажигалке остыть и зажег ее опять. К этому моменту я успокоился уже достаточно, чтобы осмотреться с вниманием.

Кроме моего, в склепе было еще четыре гроба. Каждый стоял на отдельном постаменте примерно в полметра высотой. Три гроба были одинаковыми — округлыми, в светлых буквах X,

Л... Да, я не ошибся. Луи Вуиттон. Эти гробы были так элегантны, что походили на дорогие теннисные сумки. Четвертый был камуфляжным, грубоватой прямоугольной формы — и в два раза шире моего. Military style. На мой вкус он выглядел самым стильным. Этот гроб был крайним. Мой стоял рядом — между ним и спортивным трио.

Пальцам опять стало горячо, и я погрузился в темноту.

До меня дошло наконец, что я не в морге, и вообще не в Москве. Скорей всего, я уже прибыл к месту назначения и вижу вокруг чужие транспортные средства. Просто я пришел в себя, так сказать, в аварийном режиме — раньше остальных. Значит, посвящение, о котором говорил Энлиль Маратович, уже произошло... Ну хоть это хорошо. Но почему проснулся только я? Может быть, все остальные сейчас испытывают то же самое?

Словно в ответ на свои мысли я вдруг услышал еле различимые скребущие звуки. Они доносились с той стороны, где стоял большой камуфляжный гроб. Мне тут же представились окровавленные ногти, царапающие изнутри его крышку. Я снова щелкнул зажигалкой, вылез из своего транспортного модуля и присел возле военного гроба. Никаких ручек или кнопок на нем видно не было. Я деликатно постучал по его крышке.

Изнутри тут же донесся еле слышный ответный стук — быстрый и, как мне показалось, испуганный. Я ощупал крышку. Сбоку на ней обнаружился крохотный выступ, за который можно было зацепиться пальцами.

— Секундочку! — сказал я и изо всех сил потянул крышку вверх.

Гроб сдвинулся с места, и я уже испугался, что опрокину его — но тут крышка поддалась и, как фонарь самолета, мягко откинулась в сторону на петлях.

Гроб действительно был двухместным — но в нем находился только один пассажир, которого я успел увидеть за миг до того, как моя зажигалка погасла от сотрясения воздуха. Это была стриженная наголо девушка в майке и шортах. На месте второго пилота лежали свернутый коврик для йоги и небольшой рюкзак.

Я собирался опять щелкнуть зажигалкой, но меня вдруг схватили за горло твердые и сильные пальцы.

— Ты потревожил мой сон, — сказал тихий голос. — Это была ошибка, и теперь ты за нее заплатишь. Я высосу твою красную жидкость до дна!

От неожиданности я выронил зажигалку. Через миг я почувствовал на своем лице дыхание — и на секунду поверил, что она действительно прокусит мне горло. Но она рассмеялась — таким счастливым смехом, что мой страх сразу исчез. А потом чмокнула меня в щеку.

Я дернулся от прикосновения ее губ как от удара током. Это заставило ее засмеяться еще сильнее. Она разжала пальцы и сказала:

— Зажги свет.

— Где это?

— Наверно, на стене.

— Сейчас...

Я нагнулся и стал шарить руками по каменным плитам пола. Зажигалки нигде не было.

— Подожди, — сказала она. — Я сама.

Прошло не больше минуты, и под потолком склепа загорелась электрическая лампа.

Я снова увидел девушку в майке и шортах. Теперь она стояла у стены, а на ее глазах были крохотные очки ночного видения, похожие на два наперстка. Когда зажегся свет, она сняла их и сунула в карман.

Она действительно была стрижена наголо — с совсем короткой щетинкой песочного цвета, простирающейся на загорелой голове. Я видел много женских причесок, но к такому радикализму не привык.

— Привет, кровосос, — сказала она. — Спасибо, что разбудил.

— Я? Разбудил? Ты уже скреблась, когда я вылез, — ответил я. — Я думал, тебе нужна помощь.

— Ты стонал на весь склеп. Как будто тебя душат. Что случилось?

— Я задыхался.

Она подошла к моему гробу и заглянула внутрь.

— Ух ты. Дорогая игрушка... Да у тебя вентиляционная решетка закрыта, парень. Ты сюда в подводном режиме приехал.

— В подводном режиме?

— Вот эта ручка переводит гроб в герметический режим.

— Я мало понимаю в гробах, — сказал я с аристократическим холодком. — Меня так упаковали.

Она повернула что-то внутри моего гроба.

— Теперь можешь спать спокойно. Вентиляция открыта. Тебя зовут Рама, да?

— Ты меня укусила?

Девушка удивленно подняла брови.

— С какой стати, — сказала она. — Я тебя просто поцеловала в щеку. У нас так делают, когда знакомятся.

— А откуда ты знаешь, что я Рама?

— Видела твоё фото в программе. Тебя вставили в последний момент.

Я вообще не видел никакой программы.

— Меня зовут Софи, — сказала она.

Я пожал ей руку. Софи. Почему «Софи»? Разве это божественное имя?

— Это от «София — премудрость демиурга». Одна из ипостасей чего-то там такого...

— Ты мысли читаешь, Софи?

— Нет. Просто много общаюсь с вампирами. Первая мысль у них всегда — укусила или нет? Вторая — «почему Софи»?

Она оглядела склеп.

— Извини за экзальтацию. Просто я ужасно счастлива. Я так рада здесь быть. Я мечтала об этом последние пять лет...

Я подумал, что уже окончательно упустил момент, когда можно было невинно поцеловать ее в ответ.

Подойдя к трем закрытым гробам, она внимательно их осмотрела.

— Понятно, — сказала она. — Французы. Их я тоже видела в программе. Там про это не было, но я уверена, что они телепузики. Практически сто процентов.

— Телепузики? — переспросил я. — Типа как «лягушатники»?

Она наморщилась, словно я сказал бестактность.

— Нет. Это не имеет отношения к национальности. Они медиумы-демонстраторы. Новая профессия, ей всего пятьдесят лет. Они не совсем ныряльщики, но обучаются вместе с нами.

— Откуда ты знаешь, что это телепузики?

— Потому что их трое и они вместе. Их всегда трое. Чаще всего берут братьев. По возможности однойцевых близнецов. Кажется, теперь их специально тиражируют через суррогатную мать.

— А что они делают?

— Показывают другим, что мы видим в лимбо.

— В каком лимбо?

Она удивленно на меня посмотрела.

— А бывают разные?

— Не знаю, — сказал я. — Просто меня сюда отправили совершенно неожиданно. Я вообще не в курсе. Извини.

— Ничего. Здесь все объяснят.

— А сколько народу в программе?

— Было шестнадцать кандидатов. Добрались пятеро.

Я хотел спросить, куда в таком случае делись остальные одиннадцать — но испугался, что опять покажу свое невежество. Мне не хотелось, чтобы она сочла меня полным дурнем, поэтому я решил не углубляться в расспросы.

— Разбудим телепузиков? — предложил я и указал на гробы.

— Зачем, — ответила Софи. — Это будет невежливо. Они тебя не просили.

Она поглядела на часы.

— Одиннадцать тридцать пи-эм. Подъем завтра утром. Думаю, часов в девять. Ты не хочешь прогуляться по замку? Сейчас здесь никого нет.

— А это можно? — спросил я.

— Нельзя, — сказала она. — Но раз уж ты меня разбудил... Пойдешь?

Я кивнул.

Она подошла к двери и осторожно потянула ее на себя. Дверь со скрипом открылась. За ней была темнота.

— Сейчас здесь практически музей, — сказала она. — А когда-то он действительно здесь жил...

— Кто «он»?

— Дракула...

Она шагнула в темноту, и я последовал за ней.

Мы оказались на каменной лестнице — ее ступени приходилось наощупь находить при каждом шаге. Темнота была очень романтичной. Я представлял себе, как нас что-то напугает и она испуганно ко мне прижмется... Или я к ней. Но тут она зажгла фонарик.

В конце лестницы была еще одна дверь. Софи открыла ее, и я увидел длинный коридор под высоким сводчатым потолком. В нем было светло.

Серый дневной свет падал из окон, за которыми, однако, не было никакого, даже самого убогого вида. Там был только каменный мешок — покрытая серой штукатуркой стена примерно в метре от стекла. Так мир выглядит из полуподвала. Странное слово — «полуподвал». Вроде «полуподлец»...

Коридор действительно походил на музейную галерею — на его стенах висели картины и разные предметы.

— Еще светло, — сказал я, кивая на окно. — Ты уверена, что сейчас полдвенадцатого?

— Это фальшивый свет, — ответила она. — Весь замок под землей. У него нет стен, Рама. Одни коридоры... Такие окна на каждом этаже. И еще витражи. Здесь много витражей.

— Откуда ты знаешь?

— Вот, смотри, — сказала она и кивнула на ближайшую к нам картину.

Там был изображен стоящий на холме замок со множеством башен и башенок из белого камня под крышами из алой черепицы. Это была не древняя феодальная крепость, а, скорее, большой manor house, украшенный множеством архитектурных излишеств. Интереснее всего выглядели окна — в нижних этажах они были скрыты подобием накладных каменных карманов, в которых для света была оставлена только узкая щель сверху. Именно такие я и видел в стене перед собой. А в верхних этажах окна были обычными, но вместо стекол в них были витражи.

Над башнями замка развевались флаги — длинные и узкие, как змеиные языки. На одной из

стен первого этажа, недалеко от входа, был нарисован красный крестик со словами «you are here». Словом, это был бы вполне обычный замок, если бы не одна деталь.

От стен здания в разные стороны отходили тонкие ветви, которые кончались похожими на скворечники домиками с витражными окнами. Эти домики висели в пустоте. Они выглядели ажурно — и одновременно нелепо: было件нятно, что такая длинная ножка не удержит массивный куб на ее конце. Из-за этого замок походил на сюрреалистическое дерево с коротким толстым стволом.

— Мы на первом этаже, — сказала Софи. — В смысле, на самом глубоком. Весь этот замок под землей. А эти ветки — просто подземные коридоры. Красиво, да?

— Могли бы и над землей построить.

— Тогда замок не был бы тайным, — ответила она. — Разве можно скрыть целый замок? Сейчас такой не спрячешь даже в Амазонии. Каждый сантиметр на гугл-мэп...

— А где он находится?

— Про это не принято говорить. И я сама точно не знаю. Эта тайна охраняется очень строго.

Я решил не проявлять излишнего любопытства.

— Но тогда это просто подземелье, — сказал я. — А мне говорили, воздушный замок...

— Правильно говорили, — ответила Софи. — Это подземный пузырь воздуха, причем именно той формы, какую ты видишь на этой картине. Самый настоящий воздушный замок в прямом смысле. Если ты подумаешь три минуты, ты поймешь, что никаких других воздушных замков не бывает...

Мы прошли по галерее еще несколько шагов.

— А вот и он, — благоговейно сказала Софи.

Я увидел на стене застекленную репродукцию древней фотографии — или дагерротипа. Это был портрет джентльмена в длинном черном сюртуке, сидящего возле столика с чайным прибором. На полу рядом со столиком стоял его цилиндр. Джентльмен напоминал французского писателя Стендаля — у того была такая же черная шкиперская борода.

— Я не так его представлял.

— Его настоящий облик не афишируется, — сказала Софи. — Его даже превратили из уроженца Лондона в трансильванца.

— Почему? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Политика. Лондон не должен символизировать вампиризм в массовом сознании. Слишком суггестивно. Сити будет против.

— У него имя вроде не английское.

— Дракула — это кличка. Его вампирическое имя было Dionysus. По-русски Дионисус.

— Дионис, — поправил я.

— Да. Друзья-вампиры называли его «Dionysus the Oracular»[1] из-за свойственного ему ума и возвышенной натуры. Он не обижался и даже сам подписывался иногда так в их альбомах. Иногда он писал просто «D. Oracular». Халдеи сделали из его шутливого прозвища трансильванскую фамилию. А сам миф перенесли в нежное, так сказать, подбрюшье Европы...

— Откуда ты все это знаешь? — спросил я.

— Дракула интересуется меня уже много лет. Вот опять он. Смотри...

Она показала на стену.

Я увидел написанный маслом портрет того же господина — только в другом ракурсе. На Дракуле был современный костюм — ну, или почти современный, такие носили, наверно, в середине прошлого века. Возможно, именно из-за костюма мне показалось, что здесь он похож

не на Стендаля, а на Шона Коннори в роли Стендаля. Причем на молодого Шона Коннори, загримированного под пожилого Стендаля. Между дагерротипом и масляным портретом была дистанция минимум в сто лет — но Дракула был почти тем же, только в его бороде появилось несколько седых волос.

Дальше на стене висело несколько листов с карандашными — или угольными — набросками, защищенными большим прозрачным стеклом. Рисунки выглядели очень старыми. Бумага пожелтела от времени; на некоторых листах были пятна и круглые следы то ли кружек, то ли стаканов. Я совершенно не удивился бы, узнав, что это наброски какого-нибудь Леонардо. Удивился бы я только тому, что Леонардо рисовал такие странные вещи.

Все рисунки изображали одно и то же — полуголового древнего вампира в высокой тиаре, какая бывает у индийских богов. Я понял, что это вампир, поскольку он висел вниз головой, зацепившись за перекладину. Чрезвычайно замысловатыми, однако, были его позы — они выглядели как асаны индийских аскетов. Мало того, через перекладину была перекинута только одна нога древнего вампира — вторая была или заложена в подобие полулотоса, или вообще загнута самым невероятным образом. На одном из рисунков под висящим было выведено еле заметное слово «Магго».

— Что это у него за колпак? — спросил я. — Он что, приклеен?

— Прическа, — сказала Софи.

— Что «прическа»? — не понял я.

— У Мары на голове. Поэтому и не падает. Тогда прически такие делали — накручивали волосы на вертикальные шпильки. Получалось как храм из собственных волос. Внутри делали крохотный алтарь из цветочных лепестков. А потом устраивали специальную ганапуджу и звали в этот храм какого-нибудь бога...

— Тогда — это когда? — спросил я.

— В Индии. Две с половиной тысячи лет назад.

Ее знания впечатляли. Может, я и сам знал бы не меньше, если бы, как она, годами мечтал попасть в это место. Но неделю назад я даже не знал, что оно существует. А вот она знала...

Следующую картину я уже видел.

Она изображала похороны рыцаря, которого провожало множество печальных господ с модными бородками над круглыми кружевными воротниками. Хоронили тоже Дракулу — только он теперь был в латах с длинной пробоиной на груди, над которой висел большущий синий комар, изображавший, надо было понимать, душу. Заметив этого комара, я вспомнил, где видел его раньше.

— У нашего главного в хамлете такая фреска, — сказал я. — Только во всю стену. По кругу.

— Это из Круглой Комнаты, — ответила Софи.

— А что за синий комар? Душа?

Софи засмеялась.

— Ну ты даешь, Рама. Какая у Дракулы душа?

— А что это тогда?

— То, что вместо.

Я решил не спрашивать, что у вампира вместо души — вопрос мог показаться ей глупым. Тем более что ответом на него, скорей всего, оказался бы какой-нибудь дискурсизм. Мне было интересно другое — как Дракула ухитрился умереть в средневековой Испании, дожив перед этим до середины прошлого века. Этот вопрос уже вертелся у меня на языке — но тут я увидел следующую картину.

Она опять изображала похороны Дракулы.

Только на этот раз Дракула был одет мексиканским ковбоем. Он покоился в открытом

гробу, а на его груди лежало черное сомбреро, усеянное по периметру маленькими оловянными черепами. Провожатые были и на этой картине — индейцы в боевой раскраске несли на бархатных подушках револьверы и какие-то громоздкие ордена, сверкавшие множеством бриллиантов.

Один особенно торжественный индеец шел перед гробом — и нес маленького румяного младенца. Над грудью мертвого Дракулы не было комара. Зато он парил над младенцем. Точно такой же, как на прошлой картине, только красный.

— Опять из Круглой Комнаты, — сказала Софи.

Меня начинала угнетать ее осведомленность.

— А что это за Круглая Комната? — спросил я.

— Она раньше была в самой высокой башне замка. Там у Дракулы был кабинет. А потом она схлопнулась.

— Схлопнулась?

— Ну да. Воздушные замки ведь не рушатся. Они схлопываются. Иногда по частям. А бывает, сразу целиком.

— Эти фрески были на стенах? — спросил я.

— Нет, — сказала Софи. — Они иногда проецировались на стены. Две или три сохранились на фотографиях. Их просто перерисовали краской...

Я отчего-то вспомнил дом Энлиля Маратовича. Он отличался от замка Дракулы глубиной и формой — но вообще-то это была такая же подземная пустота. Только наши вампиры называли его жилище большой землянкой. Видимо, землянка — это и был отечественный вариант воздушного замка.

Картина с мексиканскими похоронами была последней — дальше галерея упиралась в закрытую дверь. Софи несколько раз дернула ручку — но дверь не открылась.

— Пошли назад, — сказала она. — Пока нас не застукали.

— А что будет? — спросил я.

— Ничего хорошего. По замку Дракулы не разрешают просто так гулять. Боятся, что он схлопнется дальше. Как Круглая Комната.

На прощание я еще раз осмотрел картину с индейцами и красным комаром.

— А как это проецировалось на стены?

Софи ничего не ответила, и я решил, что ей надоели мои расспросы.

Но когда мы вернулись в склеп, она сказала:

— Насчет Круглой Комнаты. Тебе правда интересно?

Я кивнул.

— У меня есть немного информации...

Откинув крышку своего гроба, она выбросила из него на пол рюкзак и коврик для йоги, легла внутрь и поманила меня пальцем, словно приглашая залезть к ней в машину. Я подумал, что мы окажемся очень близко друг к другу. То есть совсем-совсем...

Я подошел к ее гробу и не очень ловко прилег рядом. Места было вполне достаточно. Софи улыбнулась и закрыла крышку. Она захлопнулась беззвучно, как дверца дорогого авто.

Я чувствовал тепло ее плеча. Слышал ее дыхание. Я мог бы лежать в этой живой темноте целую вечность. Но так не бывает. Я уже знал.

— У тебя информация в препарате? — спросил я.

— Просто файл.

— Где?

— Вот тут.

Прямо перед моим лицом зажегся монитор. Это был планшет, вделанный в крышку гроба.

На нем появился странный символ — красное сердце с похожей на пробойну черной звездой.

Повернув голову, я увидел ее лицо.

— Мы теперь совсем близкие существа, — сказал я.

Она ничего не ответила. Подняв руку к экрану, она затыкала по нему пальцем. Я глядел не на экран, а на ее нахмуренное лицо, освещенное голубым светом.

— Читай.

Я перевел глаза на экран. Там был текст.

«В том же самом месте была у него круглая комната, которую он использовал как место для своих тайных опытов и изысканий. В ней было много чудесного и непостижимого для случайного гостя — но любимой его игрушкой был волшебный фонарь на ярчайшей лампе. У этого фонаря была сложная механика, работавшая от стальной пружины, и он мог показывать на круглой стене движущиеся картины.

Дракула зажигал фонарь, дабы испытать мудрость своих гостей. Тогда на стене появлялись его изображения. Картин же таких было три вида — на которых Дракула был Младенцем, Мертвецом и Зрелым Мужем. Где он был Младенцем, над ним летел красный комар. Где он был Зрелым Мужем, комар был зеленый. А где Мертвецом, синий.

Иные сцены были из глубочайшей древности, где Дракула кутался в шкуры и был окружен троглодитами. Другие — из менее отдаленных дней, где он в золотом венце появлялся среди царей Атлантиды. Еще он был изображен рыцарем, разбойником, монахом, убийцей и святым, мужчиной и женщиной — в прошлом, настоящем и будущем, среди горести и счастья.

Эти картины начинали мелькать на стенах все быстрее, и в какой-то момент изображенное на них становилось неуловимо-зыбким. И тогда отчетливо проявлялся огромный пульсирующий комар, который, меняя цвет, облетал вокруг комнаты. Мультипликация была так совершенна, что некоторые падали в обморок.

Дракула каждого вопрошал о смысле увиденного.

«Здесь твои былые и будущие жизни, граф», — говорили обычно гости. — «Здесь ты, каким ты был в древности и каков окажешься в будущем».

Дракула отвечал, что в фонаре запечатлен один день его жизни, или даже малая часть дня. Когда гости спрашивали, что же это за странный и чудесный день, Дракула говорил, что день самый обычный и таковы все его дни.

«Ты, должно быть, не вылезал сегодня из погребка и отведал много красного, граф», — говорил иной ученый вампир как бы тайным, непонятным для людей иносказанием. На что Дракула лишь смеялся и отвечал такому гостю — ты моей загадки не решил и вряд ли когда решишь. С таким он пил вино, шутил — но к себе не приближал. Бывало, однако, что загадку решали. Тогда Дракула уводил решившего во внутренние покои — и имел с ним беседу о высоком и тайном.

Ниже была иллюстрация — картина с похоронами Дракулы-рыцаря. Еще ниже размещался квадратик, в котором полагалось быть видеовставке — но он был черным и пустым.

— Что там за видео? — спросил я.

— Здесь должна быть реконструкция, — сказала Софи. — Как мог выглядеть полет этого комара. Я еще не сделала.

— А откуда текст?

— Из «Воспоминаний и Размышлений».

Название я помнил — специальное устройство в моем хамлете начитывало мне цитату из этого труда, когда я зависал вниз головой слишком уж надолго.

— Разве это не книга самого Дракулы? — спросил я.

— Нет, — сказала она. — Это книга воспоминаний про Дракулу. И еще там сборник его высказываний. Хотя не факт, что Дракула действительно все это говорил. Эти цитаты и есть так называемые «Размышления». А «Воспоминания» целиком не сохранились. Вообще нигде. Ни на бумаге, ни даже в препаратах. Есть только несколько отрывков вроде этого. Странно, да?

— Ты думаешь, их кто-то специально уничтожил?

Она кивнула.

— Кто?

— Вампиры. Чтобы скрыть правду о Дракуле.

— Зачем?

— Потому что на самом деле он был совсем не тем самодовольным хлыщом и острословом, каким его представляет наша политическая мифология.

— А цитаты придумали потом?

— Часть придумали, что-то нет, — сказала она. — Совершенно точно одно — от нас скрыли его настоящую жизнь и подлинные мысли.

— Зачем?

— Его сделали главным идеологом вампиризма. Основным, так сказать, теоретическим столпом. Но в действительности он... Как бы мягче сказать... Он был диссидентом. Причем очень радикальным.

— Толстовцем? — спросил я.

— Толстовцы? Это кто?

— Которые красную жидкость пьют вместо баблоса, — ответил я. — Опрощаются.

— Нет. Гораздо радикальнее.

— Что, — спросил я хмуро, — мозги ел?

— Фу, — сказала Софи. — Сейчас тебя выгоню из своего гробика.

— Извини, — ответил я. — Я вообще ничего про него не знаю. У нас в России про него мало говорят. Только цитируют. А в чем было его... Ну, несогласие с линией партии?

— Говорят, он хотел освободить людей. И вампиров тоже.

Я засмеялся.

— Людей освободить невозможно. В дискурсе объясняют почему.

— Невозможно, — согласилась Софи. — Но внутри этой невозможности есть исчезающе маленькая возможность. Как жилка золота в куске породы. И Дракула ее нашел. Так, во всяком случае, некоторые считают...

— И ты тоже? — спросил я.

— Я хочу найти истину, — сказала она. — Вслед за Дракулой. Я верю, что он ее постиг.

— И где ты ее хочешь найти? На дне моря?

— Почему на дне моря?

— Ну мы же ныряльщики. Мы, кстати, откуда нырять будем? С катера или с пирса? Или здесь специальный подземный бассейн?

Софи повернула ко мне голову.

— Ты чего? — спросила она, недоверчиво глядя на меня.

— Что? — переспросил я. — Мы же на ныряльщиков учимся?

— Ты думаешь, ныряльщики в воду ныряют?

— Мне не объяснили ничего, — сказал я жалобно. — Просто послали сюда. Типа как в ссылку. А куда мы ныряем?

Она покачала головой.

— В смерть, Рама. Мы ныряем в смерть.

Я вздрогнул. Отчего-то это слово напугало меня.

Хотя, конечно, лежа в гробу, да еще в подземном склепе, пугаться каких-то слов было смешно. Тем более рядом с такой милой девушкой... Я даже не задумался о том, что значит нырять в смерть. Меня куда больше интересовало, чем закончится это совместное лежание в гробу.

Софи, похоже, прочла мои мысли.

— Ладно, — сказала она, — иди к себе. Завтра трудный день, надо отдохнуть.

— У тебя так уютно. Первый раз вижу такой большой гроб.

— Size matters, — усмехнулась она. — Sometimes[2]. Но тебе правда надо идти. Я кое-что знаю о здешнем распорядке. Ночью нас заставят уснуть. А потом гробы развезут по комнатам. Будет неловко, если твой гроб окажется пустым. Ты же не Иисус. Ты Рама.

Я понял, что спорить бесполезно.

— Спокойной ночи, Софи.

Выбравшись из ее гроба, я залез в свой.

Закрыв крышку, я сделал несколько глубоких вдохов. Вентиляция работала. Я откинулся на подушки и повторил про себя странные слова — «ныряем в смерть...»

Что они могли значить?

Почему-то я был уверен — ничего страшного меня не ждет. Если бы впереди было что-то действительно жуткое, оно наверняка было бы поименовано каким-нибудь приторно-розовым клише.

Именно розовым, да. Полным тайного шипастого ужаса. «Розовые очки...» Которые, наверно, уже невозможно снять. Или, у англичан, еще страшнее: «a bed of roses»...[3]

Мой гроб был мягок и уютен, и внутри было совсем тихо. Я чувствовал себя защищенным от всех земных напастей. Мне было хорошо. Я подумал о Софи, спавшей в паре метров от меня. Мне отчего-то вспомнилась безобразная русская частушка, начинающаяся со слов «вижу — девушка в гробу...» От смущения я прокашлялся. Затем, чтобы хоть чем-то себя занять, я стал считать удары своего сердца — и даже не заметил, как гроб унес меня в теплое и счастливое небытие.

THE HARD PROBLEM

Меня разбудили звуки органа.

Сначала они были тихими, но постепенно делались все громче — пока мне наконец не показалось, что мой гроб стоит прямо среди гудящих труб. Я откинул крышку, и музыка сразу стихла.

Я был уже не в склепе.

Вокруг была комната, похожая на келью в средневековом монастыре. У нее было высокое стрельчатое окно с витражом вместо стекла. Витраж походил на миниатюру из старинной рукописи — и изображал коленапреклоненного молодого человека в синей робе. Над ним парила черная летучая мышь, от которой исходило желтое сияние. Все это было в неправильной перспективе, как и положено в духовном искусстве.

Сквозь витраж в комнату падали желтые, синие и красные лучи. За стеклами, казалось, был солнечный день — но я уже знал, что это солнце поддельное.

Комната была обставлена по-спартански. У стены под витражом стоял стол с большим блюдом, накрытым конической крышкой — под такими в гостиницах подают еду. Рядом был набор алхимического вида посуды, предназначенной не то для еды, не то для поисков философского камня — или, подумал я меланхолично, для поисков философского камня в еде.

У стены был книжный шкаф, в котором темнели тома с золотым тиснением на корешках (кажется, какие-то старые медицинские книги на латыни). Они стояли настолько ровно, что шкаф вместе с корешками казался вырезанным из одного куска дерева (интересно, что за все проведенное там время я так и не потрудился проверить эту догадку).

Мой гроб стоял в маленьком алькове. Никакой другой кровати в комнате не было. Видимо, вампиру полагалось спать именно там. Но я неплохо выспался — и эта перспектива меня не пугала.

Я вылез из гроба и пошел в ванную.

Там я обнаружил смену белья и полный набор одежды — черные кожаные тапки вроде гимнастических, широкие синие штаны и робу наподобие той, в которую был одет юноша на витраже. Только у моей на спине и груди было крупное слово:

DIVER

В ванной было все необходимое — мыло и шампунь, зубная щетка и мелкие средства личной гигиены, запакованные в коробку с надписью «Vanity Kit»[4]. Всё палочки для ушей, сказал Экклезиаст.

Несколько минут ушли у меня на душ и прочее. Приведя себя в порядок, я попробовал надеть синюю робу. Она оказалась впору — хоть мне не понравился ее старомодный покрой. Я подумал, что сейчас было бы самое время поесть, и подошел к столу — проверить, не ждет ли меня завтрак под конической крышкой. Подняв ее, я увидел квадратный листок бумаги. На нем были рукописные фиолетовые строки:

Breakfast at 10.00

Classes at 11.00

Follow the arrows.

Я поглядел на часы. Было уже десять пятнадцать.

В коридоре напротив моей двери действительно висели два знака со стрелками и пиктограммами.

На одном были скрещенные вилка и ложка под тарелкой, украшенной широким смайлом. Этот символ выглядел непередаваемо злое — почему-то он казался черепом и костями, над которыми надругалась не только смерть, но и политкорректность.

Вторая пиктограмма изображала летучую мышь в сияющем ореоле. Я уже видел подобное на витраже — иначе подумал бы, что это шахид в момент разрыва. Под пиктограммами были указывающие вправо стрелки. В них, впрочем, не было необходимости, потому что слева от пиктограмм коридор кончался моей дверью.

Коридор был овальным в сечении, длинным и извилистым — и походил на оштукатуренную нору с плафонами на потолке. Вскоре с ним соединились еще три похожих коридора, и он стал прямым и широким. На полу появились каменные плиты, а на стенах — эстампы с геральдическими эмблемами.

Наконец я добрался до большой двери, из-за которой слышались голоса. На ней висело уже знакомое мне изображение ухмыляющейся тарелки.

Я потянул дверь на себя.

В первый момент мне показалось, что небольшая кантина полна народу. Собравшиеся были одеты одинаково — в такие же синие роботы, как на мне. Практически все столики были заняты — а перед небольшим окошком, где выдавали пищу, стояла очередь. Но что-то было не так.

Я сообразил наконец, что.

Фигуры в робах были неподвижны. Это были просто манекены — или, возможно, восковые

фигуры (их лица и руки выглядели крайне реалистично). Невнятный шум множества голосов, который я услышал в коридоре, был, похоже, какой-то записью.

Потом я увидел руку в синем рукаве, которая поднялась над дальним столиком. Это была Софи. Кроме форменной робы, на ней была расшитая сложным узором шапочка.

— Рама! Бери завтрак и иди сюда.

За ее столом сидели два манекена — и имелось одно свободное место.

Я подошел к окошку раздачи. Оно было низким и узким, как боевая щель огневой точки. В нем был виден стол с тарелками и пара рук — красных, припухших и уж точно не восковых.

Я взял пустой поднос и сунул его в щель. Красные руки поместили на него кружку с чаем, вилку, ложку, нож и три тарелки — с яичницей, салатом и овсяными мюслями в молоке.

Восковая очередь не возражала.

— Садись, — сказала Софи. — Только поздоровайся сначала с французами.

— А где они?

Софи кивнула на дальний угол зала.

Я увидел трех молодых людей галльского типа, сидящих за длинным столом в компании манекенов. Они внимательно — и, как мне показалось, напряженно — смотрели на меня.

Я направился к их столу, и они поднялись мне навстречу.

— Эз, — сказал первый.

— Тар, — сказал второй.

— Тет, — сказал третий.

— Рама, — ответил я, пожимая руки.

Они очень походили друг на друга — и даже стрижены были одинаковым ежиком (длиннее, чем у Софи). Эз был чуть ниже остальных — или просто сутулился.

У Тара была большая родинка на подбородке, а Тет казался полнее. Я ожидал, что мы обменяемся хотя бы парой вежливых фраз, но они сразу же сели и уставились в свои тарелки.

Я вернулся к Софи и сел за стол.

— Какие интересные имена. Первый раз слышу.

— Это галльские боги, — ответила Софи. — Если полностью, Эзус, Таранис и Тевтат. Они мне уже объяснили, что первому приносили жертвы путем повешения на дереве, второму — сжиганием в плетеной корзине, а третьему — утоплением в бочке с водой.

— Если решу принести им жертву, — сказал я, — буду знать. Какие-то они необщительные.

— Со мной они дольше говорили. Наверно, решили, что я из их компании, только старше.

— Почему?

— Телепузики бреются наголо. Это профессиональное.

— Зачем?

— Лучше контакт с электродом.

Про электрод я спрашивать не стал. Не хотелось раз за разом демонстрировать свою неосведомленность.

— Они же вроде не лысые, — сказал я.

— Они еще не выучились. Потом побреются.

— А ты тоже для контакта с электродом стрижешься? — спросил я.

— Нет. Просто для красоты. А тебе не нравится?

Я уже собирался ответить, что нравится, но в это время над головой опять загудел орган, и Софи сказала:

— Доедай быстрее. Пора учиться.

Учебная аудитория оказалась просторным и светлым залом с фиолетовой школьной доской. Перед ней стоял стол. В двух боковых стенах были высокие стрельчатые окна со сложными

вitraжами — причем с каждой стороны, если верить игре света, висело по солнцу. Из-за этого начинала немного кружиться голова — что, впрочем, прошло, когда я повернул глаза к доске.

Остальное пространство заполняли грубо выкрашенные парты, за которыми сидели восковые ученики в синих робах — такие же, как в кантоне. У каждого в руке было перо, а на парте рядом лежала выцветшая ученическая тетрадка. На некоторых манекенах были совсем древние седые парики с косичками — я видел такие только на старинных портретах.

Свободных мест в классе осталось немного. Пустыми были две длинные парты в первом ряду. Эз, Тар и Тет втроем втиснулись за одну — видимо, мысль о разлуке была для них невыносима. Софи села за другую, а я устроился рядом с ней.

Шло время — а преподавателя не было.

Галльские боги тихо о чем-то переговаривались. Софи углубилась в маленькую черную книжечку с кроссвордами — и через пару минут уже стала обращаться ко мне за советами. Чаще всего я не знал ответа, но один раз сумел помочь, объяснив, что «Prince of Thieves»[5], девять букв — это не Vlad Putin, как она предположила, а Robin Hood. Это наполнило меня интернациональной культурной гордостью.

Минут через десять в дверь робко постучали.

— Entrez! — сказал один из французов.

Дверь растворилась, и в комнату вошел ветхий мужичонка в рабочем комбинезоне. В его руке был бумажный мешок с надписью «CHARCOAL FOR GRILL». Я узнал эти красные, как бы распаренные руки — именно они совсем недавно ставили еду на мой поднос.

Войдя, он сразу повернулся к нам спиной и принялся раскладывать по полочке перед доской куски желтоватого мела, вынимая их из своего мешка. Я подумал, что это местный прислужник-многостаночник, решивший навести последний марафет перед уроком. Мужичонка был настолько неказист и незначителен, что после этой классификации просто выпал из поля моего восприятия, хотя все время оставался перед глазами.

А потом я услышал его голос. Для уборщика он говорил что-то странное.

— Меня зовут Улл. Место, где происходит наша встреча, сильно отличается от мира, откуда вы прибыли. Некоторые верят, что каждый из гостей предстает здесь перед взором самого Дракулы. Я никак не комментирую это утверждение — но рекомендую вести себя так, как если бы оно было правдой. Вы приехали сюда сдавать свой самый важный экзамен. Сейчас вы думаете, что он уже позади. Вы думаете, вы уже undead. Но это не так. Мальки — еще не рыбы. Будьте настороже!

Улл сделал паузу и оглядел класс — причем мне показалось, что он с равным вниманием глядит на нас пятерых и на восковые манекены.

— Что значит undead? — спросил он. — Это означает, что все остальные — и люди, и вампиры низшего ранга — по сравнению с вами просто мертвецы. Вы преодолели жизнь и смерть. Вы подняли ногу, чтобы шагнуть к иному. Но не факт, что это получится у каждого из присутствующих. Совсем не факт. Не расслабляйтесь!

Видимо, предисловие было закончено. Улл повернулся к доске и написал на ней большими готическими буквами:

SEMINAR 1

human hard Problem and

Vampire's Easy Way[6]

— Я веду у молодых вампиров два предмета, — сказал он, — дайвинг и маскировку. Маскировке я вас учить не буду, потому что для этого вы слишком самодовольные болваны. Я буду учить вас только дайвингу. Наш курс будет состоять из трех дней — он очень короткий. Но

этого достаточно, чтобы вы узнали все необходимое. Остальное вам расскажут дома. Вы вампиры и знаете много языков. Поэтому я буду иногда переходить с одного на другой. Вы у меня уже двадцать третья смена, так что не думайте, пожалуйста, что можете меня удивить. Но если вы все-таки хотите меня удивить, постарайтесь понять хотя бы половину того, что я буду рассказывать. Если вы чего-то не улавливаете, не стесняйтесь перебивать и спрашивайте сразу.

— Нам не надо представиться? — спросил один из французов.

— Я тебя знаю, Эзус. И тебя, Таранис. И тебя, Тевтат. И вас, Рама и Софи. Ваши документы уже прибыли. Я потому и опоздал немного, что знакомился с препаратами. Мне теперь известно про вас все.

Он внимательно оглядел нас, останавливая на каждом глаза на две-три секунды — словно говоря: «Знаю, знаю. И про это, и про то...»

Я, впрочем, понимал про вампиров достаточно, чтобы предположить, что он просто берет нас на понт, а сам бережет душу, сохраняя здоровое неведение относительно наших сердец и умов. В конце концов, двадцать три курса...

— Итак, — сказал Улл, — мы с вами вампиры-ныряльщики. Кто-нибудь уже знает, что это значит — нырять?

Один из французов, Эз, махнул рукой.

— Я знаю. Это означает делать астральную проекцию в загробное измерение.

— То есть? — поднял брови Улл.

— Ну, выходить из туловища в тонком теле.

— Объясни подробнее.

Эз поднялся из-за парты, подошел к доске и нарисовал лежащего на койке человека. Потом подрисовал сверху что-то вроде привидения и тонкой линией соединил его с лежащим на койке.

— Вот, — сказал он.

— Спасибо, — кивнул Улл. — Садись. Очень хорошо, что ты начал с этого заблуждения. Нам будет гораздо проще, когда мы оставим его позади. Феномен так называемого «выхода из тела», или, как ты выразился, «астральной проекции», известен людям многие века. Человеку кажется, будто он выходит из тела и видит себя со стороны. Многие путешествуют в таком виде по миру, посещают другие континенты и планеты. Это распространенное переживание. В шестидесятые годы прошлого века даже считалось, что, если вам ни разу не удалось выйти из тела, пора менять дилера. Однако достаточно чуть подумать, чтобы понять, что этот опыт — чистейшая внутримозговая галлюцинация, а вовсе не реальный выход из тела какой-то воспринимающей субстанции.

— Почему? — спросил Эз.

— Дело в том, — ответил Улл, — что мир, каким его видят при астральной проекции, никак не отличается от того мира, который мы видим обычно.

— А почему он должен отличаться?

— Потому, что все видимое нами есть результат электрохимических процессов в глазах, соединительных нервах и мозгу. Чтобы видеть по-человечески после выхода из тела, мы должны взять с собой глаза. И мозг тоже. Если бы мы могли воспринимать реальность одним астральным телом, глаза и мозг не были бы нужны, и эволюция не стала бы с таким трудом изобретать для нас эти дорогостоящие хрупкие инструменты. Именно поэтому нет ни одного достоверного случая, когда так называемый «выход из тела» помог кому-нибудь разжиться ценной информацией. Ни одна из враждующих армий никогда не засылала астральных шпионов в чужой штаб. Только настоящих. Во время так называемой «астральной проекции» человек не выходит за пределы тела. Он даже не выходит за пределы своей фантазии. Серебряная пуповина, которую видят в таких случаях, является просто эхом пренатального переживания.

Улл жирным крестом зачеркнул висящее над кроватью привидение и положил мел.

— Забудьте эту чушь навсегда.

Он оглядел нас, оценивая эффект своих слов.

— Итак, куда и зачем погружаются ныряльщики на самом деле? — спросил он. — Мы не ныряем в астральный мир, как думают недоучки из гламурного эшелона. Мы не погружаемся в электрические спазмы собственных нейронов, как думают переучки из зоны дискурса. Мы ныряем в лимбо. Но перед тем, как говорить о лимбо, надо разобраться с тем, что такое наше сознание.

Мне вдруг стало казаться, что я уловил слабый запах ладана, исходящий от комбинезона Улла.

— Чтобы вы не путались в серебряных пуповинах и астральных проекциях, — продолжал он, — вам надо прежде всего понять, как связаны сознание и мозг. Начнем с человеческих представлений...

Он повернулся к доске и несколькими штрихами нарисовал человеческое лицо в очках — одновременно самодовольное и глупое.

— Самое смешное в том, что широкая публика уже много лет верит, будто науке это известно. Ну, более-менее известно. Любой человеческий ученый знает, что это неправда, но медиа все равно поддерживают в людях такую уверенность, благо это несложно. Достаточно раз в году показать по телевизору какой-нибудь большой томограф и пару шарлатанов в белых халатах. Или многоцветную компьютерную мультипликацию, наложенную на разрез мозга — как сейчас говорят, brain porn. В результате свободные цивилизованные люди уверены, что в сегодняшней жизни осталась только одна неразрешимая загадка — где взять денег...

Он подошел к нашей парте.

— Почему это так, Рама?

— Баблос, — буркнул я.

Улл потрепал меня по затылку.

— Именно. Поскольку люди были выведены нами в сугубо утилитарных видах, целью их духовно-мыслительного процесса является не познание истины, как говорят их ученые, и даже не «жизнь, испитая до дна», как утверждают их гламурные идеологи, а выработка наибольшего количества агрегата «М5» в виде эманаций, которые могут быть уловлены Великой Мышью. Не в наших интересах, чтобы люди осознали реальное положение дел, поставив под угрозу существующий порядок вещей. Поэтому вторая сигнальная система, которой вампиры оснастили их мозг, имеет в себе специально встроенные предохранители-баги. Они делают невозможным для человека познание истины, доступной высшим существам.

— Что такое вторая сигнальная система? — спросил Эз.

— Это язык, на котором люди говорят и думают.

— Какой именно?

— Любой. Все языки, несмотря на кажущееся разнообразие, просто разные версии одного и того же кода. А код составлен так, чтобы компьютер постоянно глючило. Понимаете? Сама природа их мышления с неизбежностью наводит в сознании неверную и дикую картину мира, которая с детства сковывает по рукам и ногам. Человеку не нужно трех сосен, чтобы заблудиться — ему достаточно двух существительных. Например, «субъект» и «объект». И чем больше люди спорят по поводу слов друг с другом, тем глубже они увязают в трясине, которую сами при этом создают. Таковы, если угодно, шоры, которые каждый из них носит на глазах с того момента, как начинает говорить и думать.

— А какие баги есть в языке? — спросил кто-то из французов.

— Их очень много. Столько, что проще считать весь язык одним большим багом, кроме

которого они вообще ничего не видят. Ученые, даже самые умные, ставят проблемы и формулируют свои открытия в кодировке, которая специально устроена так, чтобы сделать понимание истины невозможным. Люди могут только проецировать заложенные в языке искажения.

— Куда?

Улл широко повел руками вокруг себя.

— В микро- и макрокосмос. В результате фундаментальная ошибка их мышления становится то больше, то меньше — в зависимости от выбранного масштаба. Но она никогда не исчезает совсем. Она всегда накладывается на то, что они видят. Куда бы ни устремился их ум, они всюду найдут одну и ту же непроходимую пропасть, которую их мышление не в силах пересечь — по той причине, что само ее создает.

— А вампиры могут ее пересечь? — спросила Софи.

Улл поднял палец.

— Вампиры не пытаются пересечь эту пропасть. Они в ней живут. Там наш дом, и мы сами построили его в таком месте, чтобы нас никто не тревожил. Рама, для тебя все это не слишком сложно? Ты понял, о чем я сейчас говорил?

В голосе Улла прозвучала такая неподдельная забота, что мне стало неловко. Вопрос как бы подразумевал, что если понял я, то остальные поймут и подавно. Самым обидным было то, что он, кажется, даже не хотел меня обидеть. Я покраснел и кивнул.

— Та же пропасть, — продолжал Улл, — возникла перед людьми в их самопознании — когда они попытались понять, каким образом в результате работы их мозга возникает знакомый им мир. Тупик, в котором они оказались, получил название «hard problem». Это стандартный баг их мышления, кажущийся им неразрешимой загадкой. Вы знаете, что это?

Аудитория ответила молчанием.

— Изложу очень коротко, — сказал Улл. — Людям известно, что замыкание нейронных цепочек в коре мозга определенным образом связано с мыслями. Им известна даже локализация переживаний — какие ощущения соответствуют активности разных зон мозга. Например, возбуждение нейронов в определенной области совпадает с переживанием красного цвета. Пока все просто. «Hard problem» появляется, когда они пытаются объяснить, как электрическая активность, которую фиксируют приборы, становится субъективным чувством. Тем, что люди называют qualia — переживанием чего-то изнутри. Вот как мы знаем, что эта доска черная, а щеки у Рама красные...

Я подумал, что если он еще раз попытается потрепать меня по затылку, я... Ну, не нахамлю, конечно. Но дам понять, что мы уже не в школе.

— Объяснить это не представляется возможным, — продолжал Улл. — Дело в том, что есть непреодолимая качественная пропасть между воспринимаемой нами краснотой... Ну хорошо, Рама, хорошо — не такой, как у твоих щечек, а такой, как у арбуза, мака или помидора, — и электромагнитными колебаниями в мозгу, которые фиксирует томограф. Как, где и почему электрический разряд становится красным цветом, который мы видим? Этого не знает никто из людей. Иногда даже спорят, можно ли утверждать, что красное для одного человека — то же самое, что красное для другого. С уверенностью можно говорить лишь о том, что в схожих ситуациях люди используют одно и то же слово.

Я подумал, что и правда не знаю, действительно ли красный для меня — это то же самое, что для Софи. Вдруг она видит его как я синий?

— Вампирам, однако, понятна порочность человеческого подхода, — продолжал Улл. — Она связана с ошибкой, которая настолько фундаментальна, что объяснить ее людям не представляется возможным вообще. Люди считают, что место, где происходят переживания

красного, зеленого и синего — это их мозг. Но мозг — это просто телеграфно-шифровальный прибор. Он посылает кодированные запросы «красный, зеленый, синий» в исходную... Ну, скажем, точку, которая является источником всего восприятия вообще. Мы называем эту точку Великим Вампиром.

— А где она находится? — спросил Тар.

— Она вообще не локализована нигде. Она существует в себе самой и не опирается ни на что другое. У нее нет никакой причины. Наоборот, она — исходная причина всего остального. Мозг вовсе не создает восприятие и бытие. Мозг просто составляет shopping list — отбирает те элементы бесконечно возможного, которые должны быть пережиты в человеческой жизни. Это всего лишь грубый электромеханический фильтр, позволяющий человеку видеть сквозь узкие дырки слов. И только сквозь эти дырки. По сути, человеку разрешено воспринимать только заложенную в него программу — человеческий язык. Именно поэтому он и является человеком.

— Так как же все-таки электричество в мозгу становится красным цветом? — спросила Софи.

Улл повернулся к ней и указал пальцем на витраж.

— Представь человека, который родился и вырос... Ну, скажем, в готическом соборе. И никуда из него в жизни не выходил. В Бога он, понятно, не верит — как и все, кто долго наблюдает его слуг. И вот он сидит в соборе, смотрит на сверкающий витраж и думает — «ну понятно, наука доказала, что это религиозное величие создается особыми трюками со светом. Непонятно только, каким образом стекло, которое выплавляют из простого песка, светится. Причем в одном месте синим, а в другом — красным. Что, интересно, за процессы происходят в витраже? Что бы ты ему сказал, Рама? Почему витраж в соборе светится красным и синим?»

Непонятно было, почему он говорит про какой-то абстрактный готический собор, когда светящиеся витражи окружают нас со всех сторон.

— Почему? — повторил Улл.

— Из-за дневного света, — сказал я.

— Правильно. Человек никогда не выходил на улицу и не знает, что стекла делает синими и красными не какой-то происходящий в них процесс, а солнце. И сколько бы ни было в стенах витражей, источник света за ними один. Человек, друзья мои, и есть такой витраж. Вернее, это лучи света, которые проходят сквозь него, окрашиваясь в разные цвета. Лучи способны воспринимать только себя. Они не замечают стекло. Они видят лишь цвет, который они приобрели. Понимаете? Человек — это просто сложная цветовая гамма, в которую окрасился пучок света, проходя через замысловатую комбинацию цветных стекол. Витраж не производит лучей сам. Он по своей природе мертв и темен даже тогда, когда пропускает сквозь себя самую завораживающую игру. Просто свет на время верит, что стал витражом. А человеческая наука со своими томографами пытается объяснить этому свету, как он зарождается в витраже, через который проходит. Великий Вампир в помощь!

И Улл отвесил клоунский поклон.

Все, что говорил Улл, было понятно — вот только из-за двух фальшивых подземных солнц, светящих в класс с разных сторон, от его слов оставался сомнительный осадок.

— Так что такое человек? — спросила Софи. — Витраж или свет?

Улл ткнул в нее пальцем.

— Вот! — воскликнул он. — Это и есть баг, который вмонтирован в твое человеческое мышление. Люди всегда будут мучиться подобными вопросами. Девочка, не ходи гулять в это гнилое болото! Вампир не пытается выразить истину в словах. Он лишь намекает на нее — но останавливается за миг до того, как баги ума «Б» превратят все рассуждение в фарс.

— Люди приходят из сознающего солнца и уходят туда? — спросил Эз.

Улл повернулся к нему.

— Опять! — сказал он. — Нет. Человек не приходит и не уходит. Он и есть это солнце. Это солнце прямо здесь. Кроме него, нет ничего другого вообще. Понятно?

Эз отрицательно помотал головой.

— Человек — это комбинация переживаний, — сказал Улл. — Сложная цветовая гамма, выделенная из яркого белого света, где уже содержатся все возможные цвета. В ярком белом свете уже есть все, что может дать любой калейдоскоп. Калейдоскоп убирает часть спектра — но не создает света сам. Мозг — не генератор сознания и не волшебный фонарь. Совсем наоборот! Это калейдоскоп-затемнитель. Мы не порождаем сознание в своем мозгу, мы просто отфильтровываем и заслоняем от себя большую часть тотальности Великого Вампира. Это и делает нас людьми. Поэтому мистики начиная с Платона называют нас тенями. Мы не производим свет. Мы отбрасываем тени, что намного проще. Никто никогда не объяснит, как электрические процессы в мозгу становятся переживанием красного цвета. Потому. Что. Они. Им. Не. Становятся. Понятно? Можно только объяснить, как красное стекло окрашивает — вернее, редуцирует — исходную бесконечность до скрытого в себе кода.

— Как?

— На красном стекле написано химическим языком: «О Великий Вампир, сделай себя красным. Аминь». Понятно? Мы не ученые. Мы вампиры. Мы не планируем получить Нобелевскую премию по химии, мы всего лишь хотим увидеть истину краем глаза. А истина такова, что из нашего отравленного словами мозга ее нельзя увидеть вообще. Поэтому мы пользуемся метафорами и сравнениями, а не научной абракадаброй...

Он вдруг поднял палец, словно вспомнив важное.

— Кстати, да — насчет науки. Сейчас есть такие прозрачные светодиодные панели, которые меняют прозрачность и цвет по команде компьютера. Вот это будет даже более точным сравнением, чем обычный витраж.

— А почему человек не может пережить все солнце сразу?

— Во-первых, может. Для этого достаточно разбить витраж. Во-вторых, это не человек переживает солнце. Это солнце в каждом человеке переживает само себя — ту свою часть, которую оставляет видимой наш мозг. Себя переживает всякая отдельная мысль — каждый луч, уже не помнящий, что он часть солнца...

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ну как еще объяснить... Рама, ты ведь клей по молодости нюхал?

Все-таки он, похоже, не врал про личные дела. Я пожал плечами. Мне не хотелось углубляться в эту тему при Софи.

— Там тоже все эффекты возникают оттого, что отключается большая часть восприятия. Впрочем, другие не поймут...

— Так все-таки, — сказала Софи, — как правильно решается «hard problem»?

Улл вздохнул.

— Она не решается никак. Такой проблемы нет нигде, кроме отравленного языком мышления. Каким образом удары пальцев машинистки становятся стихотворением, которое поражает нас в самое сердце? Они им не становятся! Мы принесли это сердце с собой, и все, из чего состоит стихотворение, уже было в нас, а не в пальцах машинистки. Машинистка просто указала на то место, где оно хранилось. И сколько ни изучай ее компьютер, принтер или соединяющие их провода, мы не найдем, где в этом возникло поразившее нас чудо. Ибо для его появления надо, чтобы сначала в гости к этой машинистке пришел сам Великий Вампир...

Улл оглядел класс — и мне отчего-то показалось, что он обращается не только к нам, но и к сидящим за партам восковым фигурам.

— Ну как, поняли что-нибудь? Вот ты, Эз. Все понял?

— В принципе да, — сказал Эз. — Я не понял только одного. Какое отношение это имеет к загробному миру?

— Умница, — улыбнулся Улл. — Именно об этом мы подробно поговорим завтра. А на сегодня все.

Он подобрал свой мешок от углей — и сразу как-то опять съежился и выпал из пространства моего внимания. Я даже не заметил, как и когда он вышел из комнаты.

За время лекции я так устал, что смысл последних слов Улла не дошел до меня совершенно. Я встал из-за парты.

— Ты куда? — спросила Софи.

— Пойду отдохну, — сказал я. — Голова как чугунная.

— Take it easy, — ответила она.

Я хотел пошутить, что с чугунной головой трудно это проделать, но подумал, что от усталости запутаюсь в словах. Мне хотелось побыстрее добраться до своего гроба. Похоже, подобное происходило не со мной одним — французы тоже выглядели прибитыми.

По дороге домой я думал, что ведущий к моей келье узкий изгибающийся коридор — это одна из сюрреалистических ветвей, которые я видел на картине, изображающей замок Дракулы. Так ветвь выглядит изнутри... А снаружи... Разве она выглядит как-нибудь снаружи? Это откуда надо смотреть? Наверно, оттуда, куда я иду спать...

Добравшись до своей комнаты, я повалился в гроб и заснул.

Меня разбудил стук в дверь.

Я поглядел на часы. Был уже поздний вечер — я, похоже, пропустил и обед, и ужин. И все остальные занятия — если они были.

Я вылез из гроба и открыл дверь. На пороге стояла Софи.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Нормально, — ответил я. — Только хочется спать.

— Много новой информации, — сказала Софи. — Когда вампиру приходится много думать, язык чувствует себя некомфортно. Можно войти?

Я посторонился. Когда она проходила мимо, я обратил внимание, что от нее чуть-чуть пахнет духами, чего я не заметил, когда мы лежали в гробу.

Мало того, она накрасилась. Это было практически незаметно — косметики на ее лице присутствовал минимум. Но все-таки она была.

Я почувствовал волнение, и у меня мелькнула преждевременная мысль, что в моей комнате совсем нет мягкого закутка, где можно было бы устроиться вдвоем. Лежать можно было только в моем припаркованном в алькове транспортном контейнере — но там хватало места лишь для одного. Студенческие кельи в замке Дракулы явно не предназначались для свиданий.

— Рама, помнишь, когда мы лежали у меня в гробу, ты сказал — «мы теперь близкие существа». Ты действительно хочешь стать близким мне существом?

Инстинкт меня не обманул.

— Конечно, — ответил я. — И мне жутко нравится, что ты ко мне пришла и говоришь об этом сама.

Софи улыбнулась.

— У оксидентальных вампиров несколько другие обычаи на этот счет, — сказала она.

Ее взгляд ненадолго задержался на алькове.

— А где здесь шкаф? — спросила она.

— Шкаф? — переспросил я.

Я уже привык к тому, что ее мысль чуть опережает мою. Но это был слишком дальний

перелет. В комнате, насколько я мог судить, никакого шкафа не имелось вообще. Что мало меня расстраивало — складывать туда мне было нечего.

Поняв, что не дождется ответа, Софи огляделась и подошла к медному украшению на стене — смешной когтистой лапке, которую я принял за антикварную вешалку для шляпы (когда я попытался повесить на нее пиджак, тот упал на пол, и больше я не повторял попыток).

— Вот он, — сказала она и нажала на лапку.

Часть стены отъехала вбок, превратившись в раздвижную дверцу. Я увидел обитое малиновым бархатом нутро глубокого шкафа с мощной перекладной на уровне своего лица. Это был натуральный хамлет — немного узкий, но вполне комфортабельный.

— А я и не знал, — сказал я.

— Здесь неудобно. Слишком узко.

Мне нравился, конечно, ее холодный инженерный подход к делу, но у меня стали появляться сомнения, заслуживает ли мое скромное любовное мастерство такой тщательной подготовки. Как бы не было разочарований... Впрочем, пути назад уже не оставалось.

— Можно пойти ко мне, — сказала она. — У меня хватит места для двоих.

Я вспомнил головокружительные (или ставшие такими в кривом зеркале памяти) минуты, проведенные в ее гробу — когда наши тела разделяло лишь несколько слоев тонкой ткани.

— В принципе можно, — ответил я.

— В принципе можно или ты этого хочешь? — спросила она, внимательно на меня глядя.

— Хочу, — сказал я и взял ее за руку. — Очень хочу.

Коридор в ее комнату был бесконечным — кажется, она жила в конце самой длинной из веток, отходящих от замка. Комната оказалась в два раза больше моей, с креслами и камином, в котором весело играл огонь. Ее гроб, стоящий в алькове, был призывно открыт.

Она взяла меня за руку и сильно сжала мою ладонь. Я ожидал, что мы пойдем к алькову — но она потащила меня совсем в другую сторону. Прежде, чем я успел что-либо понять, она нажала на такую же точно медную лапку, как и в моей комнате. Часть стены отъехала вбок, и я увидел глубокое нежно-розовое нутро обитого бархатом шкафа. Ее хамлет был почти в два раза шире моего. Тут хватало места не то что для двоих — для троих.

— Ты первый, — сказала она.

— Я... Я?

— Да. Ты.

Только тут я понял, чего она хочет. И что именно она вкладывает в слова «стать ближе». Ну что ж, этого можно было ожидать. Мы ведь, в конце концов, вампиры.

Стараясь никак не проявить своего разочарования, я взялся за прибитые к стене бархатные петли. Перекинув ноги через перекладную, я повис вниз головой.

Прямо напротив моей головы билось оранжевое пламя камина. Теперь было отчетливо видно, что оно сделано из похожих на рваные пионерские галстуки тряпок, пляшущих в струе теплого воздуха.

Интересно. Когда я входил в комнату, я в первый момент решил, что огонь настоящий. Я даже ощутил, как мне показалось, запах горящих дров... Хотя откуда, спрашивается, ему было взяться под землей? Достаточно было спокойно подумать три секунды, чтобы все понять.

Вот только где их взять, эти три спокойных секунды? У кого в жизни они есть? Мы не только живем, но и умираем на бегу — и слишком возбуждены собственными фантазиями, чтобы остановиться хоть на миг.

Эх...

Софи уже висела рядом. Ловко прогнувшись, она закрыла дверь шкафа, и мы оказались в темноте. Потом она взяла мою руку, сжала ее и затихла.

Ну что ж, хамлет так хамлет. Какой вампир не любит застывшей неподвижности?

Мне, однако, было сложно расслабиться и впасть в знакомое оцепенение. Дело было в ее руке, сжавшей мою. В тепле ее тела. И — особенно — в запахе ее духов, куда, если судить по физиологической реакции моего организма (незаметной, слава Великому Вампиру, в темноте), входили все известные науке феромоны.

Я вспомнил сегодняшний семинар — и короткий диалог Софи с Уллом:

«Как же решается hard problem?» — «Она не решается никак...»

Улл, конечно, был прав. Вот только он ошибался насчет того, что никакой hard problem на самом деле нет — я уже несколько минут испытывал ее в прямом смысле. Хотя, думал я, женщину такая точка зрения, несомненно, вполне устраивает — ведь если нет проблемы, нет и ответственности.

Я чувствовал, как в моей груди разгорается досада.

Они постоянно пытаются привести нас в исступление своими трюками. Форма, запах, осязание, вкус, звук, и мысль — особенно мысль, спровоцированная с великим и подлым тысячелетним умением... Есть шесть чувств — и через каждое из них на беззащитный мужской организм идет коварная, хитрая ежесекундная атака. А когда мужчина попадает в эту засаду и робко тянется за тем, что было обещано ему по всем шести каналам информации, раздаются крики «Нет! Ни за что!» на фоне приближающейся полицейской сирены.

И уже не взмахнешь дубиной, как сорок тысяч лет назад в пещере, когда люди были еще свободны... Какое там... Теперь все наоборот. Дошло до того, что англосаксонская женщина во время секса непрерывно издает стандартные поощрительные звуки — «oh yes baby, I like it yeah» — чтобы самец в любой момент был уверен, что она пока что не собирается подавать в суд. И еще не уснула — ибо секс во сне автоматически превратит его в насильника. Этот парадигматический сдвиг уже всюду сочится из западных порнофильмов, которые стало тошно смотреть.

И бороться с этим никто не будет, думал я. Все давно смирились. Триумфальное шествие гомосексуализма по странам золотого миллиарда вовсе не случайно совпало с разгулом женского полового террора на той же территории. Недалекие святоши кричат о моральной деградации человечества — а на деле мужчина-беспелотник, забитый и запуганный, плетется в последний оставленный ему судьбой угол... Хорошо еще, что Великий Вампир оставил запасной путь, по которому наш бронепоезд может объехать эту бездонную черную яму...

Софи чуть сжала мою ладонь.

— Тебе хорошо? — спросила она.

— Ага, — сказал я.

— А чего у тебя голос такой мрачный?

— Так я же вампир.

Она ничего не ответила. Но что-то подсказывало мне: она знает, что со мной происходит — и не испытывает никакого сострадания. Никакого вообще.

Ничего личного. Природа. Классовый гендерный интерес.

Женщина всегда будет хихикать и плести свои мелкие рыбки интриги на фоне этой непонятной ей боли — зная только, что эта боль есть и с ее помощью можно сделать выгодный, очень выгодный гешефт. И поэтому она никогда не сможет стать настоящей подругой и сестрой. А всегда будет именно женщиной — вот тем самым, что висит сейчас в темноте рядом со мною. Не меньше и не больше...

Ну что ж, думал я, чувствуя, как кровь постепенно отливает от чресел и устремляется к голове, ну что ж. Не мы начали эту битву. Но нам есть чем ответить.

— Я одну цитату из Дракулы вспомнила, — сказала Софи. — «Смеется не тот, кто смеется»

последним. Смеется тот, кто не смеется никогда...» Как ты считаешь, что он хотел сказать?

ЛИМБО

На следующее утро Улл написал на доске:

Seminar 2

What diving is and what it is not.

Limbo, Animograms and Necronavigators[7].

— Вчера, — начал он, повернувшись к классу, — меня спросили, какое отношение имеет наша вводная беседа к загробному миру. А у меня к вам встречный вопрос: что значит — загробный мир? Что это вообще такое — тот свет? Пусть кто-нибудь скажет. Вот ты...

Он указал на Эза. Тот пожал плечами:

— Измерение, где живут мертвые.

Улл наморщился, словно в рот ему попало что-то кислое.

— Тебе самому нравится, как это звучит? «Живут мертвые». Зачем они умирали тогда, если до сих пор живут? И почему они в этом случае мертвые?

Он повернулся к Тету. Тот ненадолго задумался.

— Ну... Наверно, жизнь в какой-то форме продолжается после смерти?

— Твой телефон мелодии играет? — спросил Улл. — Да.

— А если его разобрать и выкинуть батарейку, он играть будет?

— Не думаю.

— А может, он просто другую мелодию начнет играть? Тихо-тихо?

— Вряд ли.

— А мертвый человек, значит, продолжает жить? Включите-ка мозги. «Человек» — это вообще философское понятие. Живым или мертвым бывает только тело.

— Вы к чему клоните? — спросил Тар. — Что никакого загробного мира нет?

— Именно! — кивнул Улл.

— То есть мы приехали учиться нырять, а нырять некуда?

— Совершенно верно.

— Но ведь куда-то ныряльщики все-таки ныряют, — сказала Софи. — Куда же тогда?

— Чтобы понять, куда мы ныряем, — ответил Улл, — надо сперва разобраться, — откуда. Я сказал, что никакого загробного мира нет, и могу это повторить. Но нет и догробного мира. Есть поток переживаний, из которого складывается наш опыт. Пока вы живы, вы ежесекундно получаете новые впечатления с помощью органов своего тела. Полная сумма всех впечатлений — это и есть ваша реальность. Мертвый человек именно потому мертв, что никакого опыта больше не приобретает. Его реальность ничем не отличается от сна без сновидений. Кто-нибудь помнит свой последний сон без сновидений?

Улл обвел глазами класс. Мне показалось, что манекены с задних рядов готовы к этому разговору лучше нас — но, в силу косности своих материальных оболочек, не способны в него вступить. Класс ответил молчанием.

— Мы видим их каждую ночь, — продолжал Улл. — Но такого опыта нет ни у кого — потому что на время сна без сновидений полностью исчезает тот, кто мог бы его получить. То же касается и состояний после смерти. Нет никого, кто мог бы их испытывать. Самые утонченные из мистиков говорят, что именно в этом заключается наша изначальная природа, но вампиры равнодушны к пустой игре слов. Мы смотрим на все практически...

Улл несколько раз прошелся перед партами, обхватив подбородок ладонью. Мне пришло в голову, что он похож на пожилого и уже не очень хорошо соображающего Гамлета, забывшего,

куда он положил свой череп.

— Никакой жизни после смерти нет! Загробного мира тоже нет! Человеческое существо состоит из двух элементов — света и витража. Смерть их разъединяет. «Жизнь после смерти» — это оксюморон. Но если яркий белый свет, о котором мы говорили, содержит в себе все вообще, в нем должны присутствовать не только портреты всех живых, но и портреты всех мертвых. Надо лишь суметь поглядеть на него сквозь стекла нужной окраски. Имея доступ к красной жидкости мертвых, то есть, простите, к их ДНА, можно получить доступ к библиотеке темных витражей, которые были когда-то живыми существами. На этом принципе основан особый уникальный доступ вампиров к загробному миру...

— Вы же сами говорили, что загробного мира нет, — сказал я.

— Правильно, — согласился Улл. — Есть только то, что свет бытия освещает в данную минуту. А загробного мира нет, потому что он темен. Пока на него не упадет луч сознания, его не существует. Поэтому его и называют небытием... Ведь не скажешь, что небытие есть. А с другой стороны, в него можно уйти.

— Как можно уйти в небытие? — спросил Тет. — Мне непонятно.

— Не переживай, — ответил Улл. — Тот ум, который этого не понимает, туда не попадет. Двунogie существа, лишённые перьев, обычно просто мрут. Уйти в небытие очень непросто...

Эти слова прозвучали почти мечтательно. Улл скрестил руки на груди и уставился на один из витражей.

— Секрет воскрешения мертвых прост, — сказал он. — Он в том, чтобы соединить мертвый витраж со светом сознания. Лимбо — это темный фоточулан, где хранится немислимое число негативов... Только поймите, пожалуйста, сразу — никакого реального чулана, где хранятся темные витражи, нет. Витражи, негативы — просто сравнение. На самом деле это сложнейшие информационные коды, указывающие свету, каким стать и как меняться. Мы называем их анимограммами. Это и есть души в загробии. Мертвые души. То есть подробнейшие отпечатки бывших живых душ. Чертежи, по которым их можно на время воссоздать. Они хранятся в памяти Великого Вампира. Лимбо, таким образом — это и есть память Великого Вампира. Или, как иногда говорят, Вечная Память. Именно туда мы и ныряем. Хранящиеся там анимограммы могут возвращаться к жизни по воле внешнего наблюдателя.

— А когда они оживают для внешнего наблюдателя, — спросил я, — они действительно оживают?

— Вот, — сказал Улл. — Опять. Скажи я «да» или «нет», и мы опять попадем в ловушку слов. Не надо создавать hard problem на ровном месте. Жизнь — это киносеанс. А лимбо — киноархив. Вампиры-ныряльщики оживляют мертвых, пропуская сквозь них отраженный луч своего собственного сознания. Этот подпольный киносеанс субъективно переживается как путешествие в загробный мир. Все, что мы там видим, настолько же реально, насколько реальны мы сами — потому что сделано из нас. Но отдельно от луча вашего внимания никакого «мира мертвых» нет, как нет и фильма до соприкосновения пленки с проекционным фонарем.

Мертвые оживают только тогда, когда попадают в зону вашего интереса. Но на это время они становятся так же реальны, как вы сами. Они как бы проживают дополнительный отрезок своей жизни через вас.

— Они себя помнят?

— А отпечаток ноги в песке помнит себя? Себя — это что? Все в этом мире помнит лишь свою форму. Мы существуем в виде памяти о своих прежних состояниях. Единственное отличие мертвых от живых в том, что в мертвых нет луча, способного эту форму осветить. Если вы хотите их увидеть, вам придется стать для них солнцем лично. Вернее, заставить освещающее вас солнце осветить также и их.

— А почему их больше не освещает настоящее солнце?

Улл пожал плечами.

— Потому что они перестали быть ему интересны. То есть, другими словами, умерли.

— Скажите, — спросил Эз, — а такая фотография может родиться заново?

— Может, — сказал Улл. — Запросто. И вы будете принимать участие в этом бизнесе. Но это не значит, что новую жизнь проживает тот самый человек, который жил прежде. Если старая анимограмма повторно попадает во взгляд Великого Вампира, она начинает меняться. Как бы загорается снова. Новая жизнь — это новая серия фильма. Бывают многосерийные фильмы. А бывают односерийные. Бывает все.

Видимо, вдохновленный этим замечанием, Эз спросил:

— А правда, что в лимбо живут черти?

Улл ухмыльнулся.

— Скажем так, мы в лимбо не единственные ныряльщики. Есть особые теньевые существа и даже подобия растений и насекомых, обитающие только в этом пространстве — своего рода флора и фауна. Они разрушают нестойкие анимограммы своим внутренним светом, что похоже на поедание трупов подземными червями. Существа из других слоев сознания тоже заглядывают в наше измерение через темный лаз лимбо. Все это в конечном счете связано с действием света. В лимбо чаще всего проникает не ясный свет сознания, а его зыбкие отражения. Вы подробно изучите это со временем.

— А покойники могут напасть на вампира?

— Могут, — сказал Улл. — Но я бы на их месте не стал.

— А вампир может общаться с несколькими покойниками одновременно?

— Может.

— А эти покойники увидят друг друга?

Улл улыбнулся.

— Покойники на самом деле не видят даже вас. Но это может выглядеть так, словно они видят. И вас, и друг друга. У каждой анимограммы свое независимое пространство.

— Если у каждой анимограммы свое пространство, — сказал я, — то как все эти пространства связаны друг с другом? И почему мы тогда говорим, что эти анимограммы находятся в одном лимбо?

Улл задумался.

— Хороший вопрос, — сказал он. — Нельзя сказать, что все эти анимограммы находятся в одном месте. Потому что такого места нигде нет. Туда нельзя добраться ни на ракете, ни на подводной лодке. Все это просто разные состояния нашего собственного сознания — по сути, мы сами в другой фазе. Но во время опыта нам действительно кажется, что мы перенеслись в другое место. Поэтому в определенном смысле так оно и есть.

— А пространство анимограммы большое? — спросил Тет.

— Со всю вселенную.

— Как долго можно общаться с покойником?

— Долго. Но не бесконечно. Это просто долистывание анимограммы, к которой потерял интерес Великий Вампир. Как бы донашивание старой вещи. Она может разорваться в любую минуту. Поэтому в лимбо нельзя терять времени.

— А мы оставляем на анимограммах следы?

— Бывает. Но вампир-ныряльщик должен стремиться к тому, чтобы все его действия были по возможности бесследными. Это, если угодно, мера нашей профессиональной подготовки.

— А если мы показываемся нескольким разным покойникам одновременно, — начал я, — и они начинают видеть друг друга, где тогда все это происходит? В чем из их индивидуальных

пространств?

Улл засмеялся.

— Рама, — сказал он, — ты сейчас похож на первоклассника, который спрашивает учителя про интегральное исчисление. Не лезь в эти вещи раньше времени.

— Мне тоже интересно, — сказала Софи. — Как это будет выглядеть для вампира, если мертвецов много? В какой именно анимограмме все будет происходить?

— Вы можете представить, как выглядит такое пространство, если видели поздние картины Сальвадора Дали. Он был вампиром-ныряльщиком. И занимался этим спортом для вдохновения, собирая для своих погружений сложные коктейли. Но эти полотна изображают парадную сторону теневой реальности, так сказать. А мы с вами — рабочие лошадки и не стремимся к подобным восприятиям. Мы, наоборот, стараемся увидеть в лимбо как можно меньше — ровно столько, сколько нужно, чтобы выполнить свою работу...

— Послушайте, — сказал Эз, — мы все время говорим, как выглядит загробный мир для живых. А как он выглядит для мертвых?

Улл удивленно уставился на него.

— Я уже объяснил. Никак.

— Нет, — сказал Эз, — я имею в виду, как выглядит смерть для того, кто умирает?

— Смотря для кого. Для большинства она больше всего похожа на гриппозный сон. Из которого не просыпаешься, а наоборот.

— А как же яркий свет, туннель?

— Туннельные эффекты связаны с распространением кислородного голода в головном мозге. Они длятся недолго и получили такую известность лишь потому, что являются последней границей, которую можно вспомнить после реанимации. Последующий опыт смерти вспоминать уже некому. Все остальное знаем только мы, вампиры-ныряльщики. Так... А кто теперь задаст мне правильный вопрос?

Улл посмотрел на меня, и я уже понял, какого вопроса он ждет. Но тут снова заговорил Эз:

— Кто такой вампир-богоискатель?

Улл наморщился.

— Где ты про них слышал?

Эз пожал плечами.

— Вопрос неправильный, — сказал Улл. — Но я отвечу. Это одна из наших архаичных сект — к счастью, практически вымершая. Вампиры-богоискатели были мистиками, которые отправлялись в лимбо, чтобы найти Великого Вампира и попытаться его убить. Древние верили, что такое возможно. Причем среди них были и такие, которым это удавалось. Даже по нескольку раз. Поэтому, собственно, секта и пришла в упадок — до сектантов постепенно стало доходить, что происходит какая-то ерунда... Была другая разновидность вампиров-богоискателей, менее древняя — те, кто верил, что увидевший Великого Вампира обретает бессмертие. Такие, говорят, до сих пор где-то есть. Но как у них дела, я не в курсе... Рама?

— Как вампир ныряет в лимбо?

— А вот это правильный вопрос. Вампир — во всяком случае, современный вампир — ныряет в лимбо с помощью особого устройства, которое мы называем «некронавигатор».

Он наклонился над своим бумажным мешком, пошарил в нем и показал классу несколько изогнутых серебристых пластинок треугольной формы.

— Вот эта штучка, — сказал он, — и есть то транспортное средство, на котором вы, друзья, будете перемещаться по лимбо. На самом деле, конечно, дело не в устройствах. Мы просто используем свои способности несколько необычным образом. Кроме некронавигатора, вам необходим образец красной жидкости усопшего. Благодаря этому вампир может воспринимать

пространство смерти. Хотя, как я уже объяснил, нигде, кроме его собственного сознания, такого пространства нет.

Он пустил пластинки по рукам. Одна из них сразу попала ко мне.

С первого взгляда казалось, что это какой-то зубной протез, или мост вроде тех, с помощью которых исправляют неправильный прикус. Эта штука, кажется, надевалась на верхний ряд зубов — и упиралась округлым выступом в небо. На ней было что-то вроде нежнейших плоских присосок.

— Она фиксируется на клыках? — спросил я.

Улл повернул ко мне мгновенно покрасневшее лицо.

— Выйди из класса вон! — заорал он.

Я даже не успел испугаться.

— А почему?

— Он из России, — вступилась за меня Софи. — Они до сих пор так говорят! Он никого не хотел обидеть, это просто другая культура.

Но Улл уже пришел в себя. Он перевел дыхание, и краска сошла с его лица. Похоже, ему самому теперь было неловко за свою реакцию.

— Запомни, Рама, — сказал он. — Цивилизованные вампиры Запада никогда не называют эти зубы так, как только что сделал ты. Это считается недопустимым и оскорбительным в приличном обществе. Мы говорим «третий верхний правый» и «третий верхний левый».

— Так они фиксируются на... на...

— На третьем правом и третьем левом, — сказал Улл. — Специальными винтами. Можешь попробовать надеть — он не заряжен.

Мне не хотелось совать эту железку в рот — мешок Улла не вызывал у меня доверия.

Я заметил на пластине скругленные и утопленные в поверхности кнопки и еще что-то вроде трэмпэда — выступающего подвижного шарика. Я несколько раз повернул шарик пальцем — он вращался удивительно легко. Потом я чуть нажал на него, и вдруг в металлической поверхности открылось крохотное окошко, за которым были видны тончайшие щетинки — словно там скрывалась потайная зубная щетка. В общем, это была крайне странная вещь.

Образец, который вертела в руках Софи, отличался от моего — он был толще, и у него имелось два шарика — трэмпэда. Дырочек со спрятанными щетинками тоже было больше.

— Эй, — спросил я, — а почему у тебя столько дырочек?

— Каких дырочек? Это порты.

— Ты знаешь, что это такое?

— Конечно.

Улл, прислушивавшийся к нашему разговору, улыбнулся. Видимо, ему было неловко за свою недавнюю вспышку.

— Мы, старичье, сами отстаем от времени, — сказал он. — Я тоже могу случайно сказать дурное слово. В мое время все говорили «красная жидкость». А сейчас на это уже обижаются. Некоторые даже требуют, чтобы некронавигатор называли только «вамповнавигатором». Но это не просто гримасы политкорректности. Определенный смысл тут есть. За последние двадцать лет у этих штук появилось много новых функций. Например, встроенные словари и энциклопедии, которые позволяют мгновенно обновить знания по любому предмету. Многие поэтому носят вамповнавигатор даже днем. Очень впечатляет наших человеческих партнеров при переговорах.

— А говорить он не мешает? — спросил я.

— Мешает, — согласился Улл. — С каждым годом они все толще. Но наши человеческие партнеры готовы к тому, что высшее руководство будет слегка шепелявить. В этом вопросе мы

всегда можем рассчитывать на их уважительное понимание, хе-хе... А вот кнопки тыкать не надо, Рама... Прибор корректно работает только во влажной среде. Посмотрели? Теперь аккуратно отдаем назад, пока не поломали. Они хоть списанные, но мне на них еще не один выпуск готовить...

Дождавшись, пока все серебряные пластинки вернутся в мешок, Улл сел на стул возле доски и заговорил:

— Механический некронавигатор в современном виде впервые изготовлен в Германии в сороковые годы. Теми же малосимпатичными людьми, которые монтировали ампулы с цианистым калием в зубы бонз Третьего Рейха. Что, возможно, отбрасывает на это устройство дополнительную мрачную тень, хе-хе...

— Вампиры что, сотрудничали с нацистами? — спросил Тет.

Брови Улла залезли на лоб.

— Сотрудничали? Мы ни с кем не сотрудничаем. Мы разрешаем халдеям служить нам, но не делаем никаких предпочтений для их клик. Некронавигатор изготовлен в Германии вовсе не потому, что вампиров связывали с нацистами какие-то узы. Для нас одни клоуны ничуть не интереснее других. Просто человеческая технология именно тогда и там сумела предложить нам нечто полезное... Вампиры, однако, ныряют в лимбо с глубокой древности. Это отражено в огромном количестве мифов. И простейшие некронавигаторы существовали задолго до появления человеческих технологий. Этому приспособлению на самом деле не меньше десяти тысяч лет. В старину их называли просто «грузилами».

Он встал, шагнул к доске и нарисовал что-то похожее на греческую букву «гамма» с кружками по краям.

— Вот, — сказал он, — поглядите на одну археологическую находку... Только, пожалуйста, из моих рук... Вещь весьма старая и ценная.

На ладони Улла появилась большая треугольная брошь желтого цвета. Если бы не полученные объяснения, я бы принял ее за пряжку из кургана.

— А как его заряжали красной жидкостью? — спросил Эз. — Тут же нет щетинок.

Улл показал на длинные ложбинки по бокам золотой пластины.

— Вот здесь крепились деревянные щепки с ворсинками. Некоторые консерваторы, кстати, до сих пор пользуются древнейшими устройствами. Особенно богоискатели — им, по поверью, нужна красная жидкость трех святых, а лучше всего — Грааль. Поэтому все халдеи столько лет его и искали... Ну ладно, не отвлекаемся.

Улл спрятал золотую игрушку в мешок.

— Простейший некронавигатор — это просто кусочек металла, который соединяет между собой ваши верхний третий правый и верхний третий левый, одновременно создавая давление на верхнее небо в том месте, над которым находится магический червь. Если это давление подобрано верно, вампир впадает в состояние, делающее погружение очень легким... В современных пружинных моделях, кстати, давление поддается точнейшей регулировке, что весьма удобно. Но эти нюансы зависят от конструкции прибора... Однако все вампонавигаторы, простые и сложные, действуют в конечном счете одинаково. Когда вампир надевает грузило на известные зубы и позволяет ему надавить на небо, он впадает в состояние, которое мы называем «малое небытие».

— А я еще слышала — «lucid death»[8], — сказала Софи.

Улл кивнул.

— Говорят и так, но редко. Все эти слова значат на самом деле одно и то же. Погружение — подобие осознанного сна. Содержание сна определяется препаратами в некронавигаторе. Если он заряжен красной жидкостью мертвого человека, вампир класса undead может

встретиться с ним в лимбо. Происходит это не только из-за особого физиологического воздействия некронавигатора, но и потому, что малое небытие усиливает нашу чувствительность к препаратам.

— А что значит «осознанный сон»? — спросил я.

— Это значит, что ты помнишь, почему ты в нем оказался. Но степень осознанности зависит от ныряльщика. Иногда мы вообще теряем над происходящим контроль и забываем, где мы и что происходит. Тогда мы видим яркий хаотический кошмар, иногда довольно страшный. Но опасного здесь мало — в конце концов мы просто приходим в себя в хамлете.

— А почему все это происходит? — спросила Софи.

Улл развел руками.

— Объяснений множество. Традиционалисты цитируют старые стихи. Железный аркан на Рогах Победоносного и все такое... «О ночь, о мгла, о древний дом вампира, сокрытый в вихре дольней суеты...» Много слов, но мало смысла. Еще меньше его в научных интерпретациях. Мол, соединяя полюса психической антенны, мы как бы замыкаем команду Великой Мыши в бесконечном коридоре между двумя зеркалами... Еще одна школа мысли учит, что известные зубы вообще ни при чем, а дело в давлении на нёбо, которое заставляет магического червя искать покоя в особом сне — и сон этот подобен бегству из мира, в которое он увлекает за собой человеческий аспект вампира... Я лично сторонник последней версии.

Подойдя к доске, Улл нарисовал схематичный разрез перевернутой головы с открытым ртом. Затем он взял мелок другого цвета и дорисовал во рту нечто похожее на вставленную между зубами ложку, упершуюся в нёбо.

— На время погружения вампир, разумеется, зависает вниз головой. Чаще всего в своем собственном хамлете. Некронавигатор удерживается на известных верхних зубах даже без специальных креплений — на время сеанса верхние зубы становятся нижними. Требуемое давление на нёбо раньше создавалось исключительно за счет силы тяжести — поэтому старые некронавигаторы были довольно массивными. Современные легче...

Улл достал из своего мешка одну из серебряных пластинок, самую старую и исцарапанную, и поглядел на нее с такой нежностью, с какой ювелир, наверное, смотрит на ограненный им гигантский бриллиант.

— Интересно, — сказал он, — что со времен Третьего Рейха механика некронавигаторного блока практически не менялась — только многократно увеличилось число щетинок с красной жидкостью, что дало нам куда больше загробных возможностей. Вампонавигаторы приводятся в готовность таким же тройным нажатием языка, каким рейхсфюрер СС в свое время ставил бомбу с ядом на боевой взвод. Вампиры консервативны и любят проверенную германскую механику. Однако постепенно прогресс проникает и сюда. Поэтому дополнительные загробные возможности, которые дает вампонавигатор, расширяются с каждым веком... То есть, простите, годом.

— Какие дополнительные загробные возможности дает вампонавигатор? — спросил Эз.

— Любые. Сегодня практически любые — причем каждому желторотому юнцу с первого дня его карьеры. Тысячу лет назад на подготовку ныряльщика уходило куда больше времени.

— А возможности чего? — уточнил Эз.

— Вы все знаете, что такое конфета смерти, — сказал Улл. — Когда нужно поставить на место распоясавшегося негодяя, достаточно бросить ее в рот. Ваше тело как бы вспоминает навыки боевых искусств, которых у него никогда прежде не было. Ключ к ним содержится в красной жидкости бойца-донора. Вампонавигатор — это несколько сотен конфет смерти, даже несколько тысяч. В нем содержатся очищенные препараты из красной жидкости опытейших ныряльщиков древности, которые десятилетиями учились визуализировать то или иное

устрашающее или завораживающее проявление в своем контролируемом сне. Это позволяет вампиру действовать сверхъестественным образом. Не в физическом мире, конечно. Такие препараты, если они и существовали раньше, давно запрещены конвенцией. Вы можете совершать чудеса только в лимбо. Но там вы можете практически все...

Мне вдруг захотелось сказать что-то горько-скептическое.

— Зачем совершать чудеса во сне? — спросил я. — Не лучше ль...

— Нет, — перебил Улл. — Не лучше. Эти способности необходимы для того, чтобы вы могли свободно работать с анимограммами и окружающей их реальностью. Без спецнавыков, которые дает вампонавигатор, вам пришлось бы обучаться этому искусству полжизни. Как было раньше.

— А что такое перемотка анимোগрамм? — спросил Тар.

— Мы перематываем анимограммы, определенным образом вмешиваясь в их структуру. Но об этом мы поговорим завтра. Еще вопросы?

— Как можно управлять вампонавигатором во сне? — спросил Эз.

— У вампира всегда остается небольшой остаточный контроль над мышцами рта и языка. Достаточный для того, чтобы пользоваться прибором.

— А почему вы ничего не сказали про вампотеху? — спросила Софи.

— Потому что я терпеть не могу этот электронный разврат, — ответил Улл. — Шучу, шучу. Я как раз собирался рассказать. Прежние некронавигаторы были чисто механическими, а сегодня в них добавляют блок с... Как его... Наноприводом... Я даже не знаю точно, как эта новая часть работает. Что-то такое тихо жужжит. Все дело в этой вампотехе, которой раньше не было. Вместе с ней некронавигатор называют уже вампонавигатором.

— Что это? — спросил я.

— Это своего рода энциклопедия на препаратах красной жидкости. Маленький цилиндр с множеством тончайших щетинок-наношприцев, изготовленных по особой технологии. У вампотехи отдельный контур управления. Самая ненадежная часть, так как там миниатюрные детали и электроника. Опытный ныряльщик никогда на нее не полагается. Частота отказов этого узла прямо пропорциональна объему хранящейся в нем информации. Мы пошли на это, потому что вампотеха — не критический узел. Она содержит голую справочную информацию, предварительно очищенную вампирами-чистильщиками. Нечто вроде препаратов, по которым вы учились. Своего рода сумму дискурсов и знаний, которая может потребоваться для успешного гипноза анимограмм. Информация в вампотехе подобрана таким образом, чтобы опережать стандартное людское понимание ровно на полшага. Чтобы временно воскрешенный, или даже живой человек мог с небольшим умственным усилием понять вампира. И с завистью осознать, насколько вампир выше. Это главное назначение вампотехи.

— Не понимаю, — сказал Тет, — какой смысл в цифровую эпоху записывать информацию в препаратах красной жидкости?

Улл посмотрел на него с жалостью.

— Смысл очень простой, — ответил он. — Если ты захочешь воспользоваться информацией, которой забиты человеческие цифровые носители, тебе придется закачивать ее в себя через человеческий интерфейс — два глупых глаза и медленно анализирующий буквы мозг. Скачать книгу или фильм занимает две секунды, хранить ее можно под ногтем, но вот загружать в себя содержащуюся там информацию тебе придется неделю. А препарат красной жидкости — это самый высокоскоростной канал. Ты не просто получаешь доступ к информации. Она мгновенно оказывается в твоей оперативной памяти — и уже готова к использованию. Это огромное преимущество вампира над человеком.

Улл был совершенно прав.

— А управлять вампонавигатором сложно? — спросил я.

— Так просто, что этого мы даже не обсуждаем. Научитесь сразу... Во время малого небытия движениями вашего языка управляет не просто мозг, а мозг в симбиозе с магическим червем. Поэтому здесь достигается такая же точность, с какой сборочный робот передвигает микросхему под лучом лазера. Никакой путаницы не бывает.

— А как мы запоминаем, где какой препарат в вампонавигаторе? — задал я не совсем понятный самому вопрос.

Улл засмеялся и потрепал меня ладонью по голове. Я был так занят мыслями, что забыл, как собирался на это прореагировать — а когда вспомнил, было уже поздно.

— Вопрос Рама выдает полное непонимание предмета. Тем не менее отвечу. При активации устройства первый микроукол в язык сообщает вампиру всю необходимую техническую информацию. В прошлом веке была распространена другая методика — перед уходом в транс вампир несколько секунд глядел на схему вампонавигатора, чтобы дать ей отпечататься в мозгу. Человеческое сознание при этом мало что запоминает, но высший ум вампира фиксирует все с фотографической точностью. В общем, Рама, не беспокойся. Проблем с вампонавигатором не будет, скорей всего, даже у тебя...

Вместо того, чтобы наполнить меня бодрой конструктивной обидой, на которую, видимо, рассчитывал педагог, эти слова погрузили меня в апатию.

— Урок окончен! — объявил Улл. — Завтра последнее занятие. Будем рассматривать практические вопросы. Не опаздывайте...

Я решил дожидаться, пока все уйдут из класса — и закрыл лицо руками. Шум и голоса вскоре стихли. Последним, что я услышал, был долетевший из коридора крик Улла, раздраженно отвечавшего на запоздалый вопрос:

— Нет! Лимбо это не рай и не ад! А мы не церковноприходская школа!

СВИДЕТЕЛИ НЕИЗБЕЖНОГО

После того как наступила тишина, я на всякий случай досчитал до ста и только потом открыл глаза.

И вздрогнул.

Софи не ушла вместе со всеми. Она сидела рядом и внимательно на меня смотрела, ожидая, когда я вернусь к жизни.

— Напугала, — сказал я.

— Ты всего боишься, — ответила она рассудительно, — потому что вырос в полицейском государстве.

Почему-то эта рассудительность вывела меня из себя. Я решил перейти на английский.

— I always marvel at how an average American combines carrying all that crap inside his or her head with being brainwashed all the way down to her or his ass...[9]

Конструкция получилась корявой и громоздкой — английский был для меня непривычным способом изъясняться.

— What?

Я пожал плечами. Софи нервно засмеялась.

— Во-первых, не обязательно говорить «his or her», можно сказать просто «her». Ставь всюду женский род, и тебя никто не обвинит в гендерном шовинизме. А во-вторых, ты чего?

— Так. Не люблю, когда родину ругают.

— Ты смешной, — сказала она. — Вы, русские, вообще смешные. Потому что все принимаете на свой счет. А на свой счет надо принимать только деньги, остальное — спам. Ты

вампира. Для вампира полицейское государство — еще не самое страшное в мире.

— Я знаю, — сказал я хмуро. — Самое страшное в мире — это я.

— У тебя мания величия, Рама. Но если ты хочешь увидеть что-то действительно страшное, сегодня такая возможность есть.

— Ты имеешь в виду свою душу? — спросил я. — Которую ты мне еще раз покажешь в хамлете?

Она снова засмеялась, но я почувствовал, что мне удалось ее задеть.

— Какой ты милый, baby, — ответила она. — А я решила, что вчера мы действительно стали ближе...

Мне вдруг сделалось стыдно. Я подумал, что веду себя как баба. А она при этом — вполне как мужчина. Следовало быть насмешливым и легким. И еще — пикапно-суггестивным.

— Конечно стали, baby, — сказал я. — Я просто валяю дурака. Извини, baby... Кстати, насчет полицейского государства. Тебе не приходило в голову, что педофилия среди англосаксов — не отклонение, а плохо скрываемая ориентация молчаливого большинства?

— Нет, — ответила Софи, — почему?

— А откуда иначе могло возникнуть такое обращение к половому партнеру — «дитя»? Что это за «baby», как не фрейдистская оговорка, повторяющаяся настолько часто, что она стала устойчивым выражением, гремящим в миллионах спален? Или даже не оговорка, а просто привычка, остающаяся от норвежского секса...

— А это что такое?

— Это когда с детьми доречевого возраста. Которые пожаловаться не могут. Отсюда и эта самоедская истерика. Этот яростный denial в трансатлантических масштабах...

Она неожиданно чмокнула меня в щеку — и засмеялась, когда я вздрогнул. Но я был уверен, что она меня не укусила.

— Вот именно, baby, — сказала она. — Насчет спален и половых партнеров я и хочу с тобой поговорить.

Я покраснел.

С целеустремленным собеседником, четко знающим, чего он хочет, очень трудно беседовать. Не помогает ни дурное настроение, ни язвительность. Ни даже поставленная руководством задача отстоять национальный дискурс.

— Ты хочешь помочь близкому существу? — спросила она.

— Зависит от того, насколько близко будет это существо, — сказал я. — И как долго.

Софи загадочно улыбнулась.

— Тебе понравится, baby. Обещаю.

— Что я должен сделать?

— Навестить вместе со мной спальню Дракулы.

— Зачем? — спросил я.

— Когда-то в этом замке хранился архив Дракулы. И его личные вещи. Считается, что архив погиб, когда схлопнулась Круглая Комната. Все пробирки якобы разбились, и препараты ушли в землю. Я уже говорила тебе, что это вранье. Архив Дракулы был уничтожен сознательно.

— А что именно хотели скрыть?

— Следы и свидетельства тех мыслей, к которым он пришел в конце своей жизни. Все его записи, дневники и даже личные вещи были спрятаны или сожжены. Кроме одного-единственного объекта.

— Какого? — спросил я.

— Картины. Которую нарисовал сам Дракула.

— Ты хочешь на нее посмотреть? — спросил я.

Софи кивнула.

— А зачем тебе нужен я?

— Видишь ли, спальня Дракулы — это запретное место. Она оборудована ловушками, которые разработал сам граф. Их можно пройти только вдвоем.

— Там есть видеонаблюдение?

— Как раз этого нет, — сказала Софи. — Никто бы не посмел. Да и не смог бы.

Было непонятно, откуда у нее такие подробные сведения. Девушка явно готовилась к поездке.

— Ловушки есть, а наблюдения нет?

— Именно потому и нет, что там ловушки, — ответила она. — Если бы там было наблюдение, наблюдателю пришлось бы спасать тех, кто в них попадет. Ну или как-то реагировать. На него легла бы ответственность. А если нет картинки, то нет и события.

Логика была вполне вампирической.

— А что за ловушки?

— Это не совсем ловушки... В общем, конечно, ловушки, но Дракула сам в них попадал почти каждую ночь. И не один. Я думаю, Рама, это именно то, чего тебе хочется...

Я сглотнул слюну.

— Так ты пойдешь? — спросила она.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Пойду, — сказал я решительно.

— Отлично, — улыбнулась она. — Я найду за тобой в полночь. Не спи.

Все-таки какое глупое и доверчивое животное мужчина. Постоянно попадает в одну и ту же западню, которую, даже не скрываясь, кое-как плетет ему враждебное существо с холодной рыбьей кровью. Мало того, что попадает — сам эту западню ищет. Часто за большие деньги.

Я все-таки уснул.

Софи пришлось несколько раз постучать, чтобы поднять меня из гроба. Но, открыв дверь и увидев ее, я даже прикусил губу — так она была хороша. На ней был черный спортивный костюм, делавший ее похожей на ниндзя — или на заключенную из продвинутой и стильной тюрьмы где-нибудь в Скандинавии.

Она поманила меня в коридор.

— Не зайдешь? — спросил я.

— Некогда. У нас максимум три часа. Идем быстрее.

— Куда?

Она знаком велела мне молчать — и следовать за ней.

Мы быстро дошли до места, где ветка моего персонального коридора соединялась с остальным замком. Как я и ожидал, Софи направилась к главной лестнице.

Когда мы поднялись на выложенную разноцветными ромбами площадку, она поманила меня к узкой дверце с пожарной символикой — или тем, что я за нее принял.

Там были нарисованы языки пламени и висящий над ними шлем. Шлем походил скорее на каску римского легионера, чем на головной убор пожарного, но я подумал, что в вампирической автономии такое изображение могло сохраниться еще с античных времен — и я вижу сейчас подобие помпейского культурного пузыря. Поразительно, сколько исторических гипотез способны породить за короткое время возбуждение и страх.

За дверцей, однако, не оказалось ничего противопожарного. Я увидел кирпичную кладку, из которой торчали железные скобы, уходящие вверх и вниз. Ни пола,

ни потолка у ниши не было — это был аварийный лаз. Где-то далеко внизу — так далеко,

что у меня наверняка закружилась бы голова, не будь я вампиром, — горела красная точка, похожая на огонек сигареты.

Софи протиснулась в дверцу и скрылась вверху. Я последовал за ней, но она поставила мне ногу на голову, чуть не сбросив в колодец.

— Закрой люк, — прошипела она.

Одной рукой было сложно это сделать, но я справился — и вокруг стало совсем темно.

Мы полезли вверх.

Лаз постепенно расширялся. Несколько раз Софи зажигала фонарик и оглядывалась по сторонам. Потом гасила свет и лезла дальше. Во время одной из таких остановок она наконец что-то нашла. Прижавшись к кирпичам, она ударила ногой в стену. Меня осыпало пылью. Софи ударила еще раз, и вокруг стало светлее. Открылась такая же дверца в стене, как та, через которую мы забрались в шахту.

— Вылезаете, — сказала она.

Мы оказались на другой лестничной площадке с полом из разноцветных ромбов.

— А почему нельзя было по лестнице? — спросил я.

— Нет прохода.

Я увидел, что ведущая вниз лестница упирается в массивную дверь, запертую на несколько толстых засовов. На ступенях перед дверью лежал густой слой пыли — как будто специально насыпанной декораторами. Видно было, что ее не открывали давно.

— Куда ведет эта дверь? — спросил я.

— В большой зал, — сказала Софи. — Там Дракула принимал гостей.

— Туда можно войти?

— Сейчас уже нет.

Мы прошли отделанную малахитом арку, по краям которой стояли две зеленые от времени статуи, изображавшие козлоногих сатиров с исступленными от счастья лицами — и неприлично поднятыми бронзовыми членами. Я никогда прежде не видел ничего столь откровенного. Впрочем, неудивительно — наверняка вся подобная античность, оказавшаяся в распоряжении людей, была много веков назад переплавлена в колокола и распятия. Такое могло сохраниться только у вампиров.

— Граф был вынужден поддерживать имидж либертена, — сказала Софи. — Даже дружил с молодым Оскаром Уайльдом, который многое у него перенял. В Англии тех времен ожидали от вампира именно этого.

— Он что, был педик? В смысле, гей?

— Не думаю. Но он всегда старался производить на халдеев как можно более двусмысленное впечатление...

Коридор, где мы шли, был обшит дубом. Свет в него падал сквозь оконные витражи с изображениями средневековых кавалеров и дам, гарцующих в окружении зверей и птиц возле высоких городских стен. Между витражами висели картины, похожие на иллюстрации к рыцарским романам. Я заметил вазы со свежими цветами, стоящие в нишах стены.

— Кто здесь живет? — спросил я.

— Никто. Но все поддерживается в том же самом виде, как было при графе.

Она остановилась около дубовой двери с особо искусной резьбой, изображающей птиц в кроне большого дерева.

— Здесь личные покои графа, — сказала она. — Теперь слушай. После того, как мы пройдем через эту дверь, шутки кончатся. Если ты хочешь выйти назад, делай в точности то, что я тебе скажу. Сразу, не раздумывая. Понял?

Мне стало тревожно.

— Ты же говорила, что мне понравится, — сказал я.

Она улыбнулась.

— Понравится. Но не факт, что ты при этом останешься жив.

После этих слов я, наверно, повернул бы назад — будь у меня уверенность, что я отыщу путь. Но ее не было. Я мог забраться в шахту со скобами. Но вряд ли я сумел бы найти в глубоком темном колодце первую дверцу, которую так непредусмотрительно закрыл.

— Подожди-подожди, — сказал я. — Так не пойдет. Сначала объясни, что там будет. И почему я должен тебя слушать.

— Там будет много всего, — ответила Софи. — А слушать меня ты должен потому, что тебе придется изображать графа.

— Мне? Перед кем?

— Перед его машиной соблазна.

Видимо, выражение моего лица произвело на нее плохое впечатление. Она нахмурилась.

— Нет, — сказала она. — Изображать графа ты не сможешь. Изображать графа буду я.

— Ая?

— Ты будешь... — она секунду подбирала слова, — изображать девушку из бедной, но приличной семьи, которую граф угостил ужином, незаметно укусил в шею и привез домой, потому что бедняжке негде ночевать.

— А чего так замысловато? — спросил я.

— Based on the true story, — сказала она и положила ладонь на дверную ручку. — Мы разыграем реальную сцену из личной жизни графа, которая мне известна в деталях...

— Откуда?

— ДНА одной из его любовниц, которая побывала у него в гостях. Я знаю в мельчайших деталях, что она видела и слышала. Мало того, я помню наизусть все, что говорил ей Дракула — весь его, так сказать, ритуал. Мы попробуем его повторить. Если не слишком отклонимся от сюжета, все должно совпасть. Для хронометража я буду говорить то же самое, что граф.

— А что мне говорить в ответ?

— Что хочешь.

— И зачем нам все это делать?

— В результате, — сказала Софи, — я надеюсь получить один приз. Очень необычный. И очень мне нужный. А ты... Ты тоже сможешь получить свой приз.

Это звучало обнадеживающе.

— О'кей, — сказал я.

— Тогда сосредоточься, мы начинаем. Ты готов?

Я кивнул.

Она открыла дверь. За дверью было темно.

— Дамы вперед, — сказала она ненатуральным мужским голосом.

Я шагнул в темноту. Секунду ничего не происходило. Потом волна воздуха прошла по моему лицу — словно рядом взмахнуло легкое крыло или веер. Впрочем, это мог быть просто сквозняк.

Зажегся свет, и я увидел большую, изысканно и старомодно обставленную комнату. У стены стояла кровать под балдахином, изображавшим (и довольно правдоподобно) разинутую пасть крокодила. Но для спальни здесь было слишком много *objets d'art*. На стенах висели картины, а с двух сторон от кровати стояли драгоценные рыцарские доспехи с золотой инкрустацией — в руках у одного железного воина был меч, а у другого копье. Возле стены помещался журнальный столик с чайным набором. По соседству стояли два кресла. Вот только пол из каменных плит, разделенных глубокими черными щелями, производил гнетущее впечатление.

— Хотите выпить чаю? — грубым басом спросила Софи.

Я даже вздрогнул. Она засмеялась.

— Не пугайся. Когда я имперсонирую Дракулу, я говорю мужским голосом.

Мне захотелось выйти из этой комнаты обратно в коридор. Я взялся за ручку, но дверь оказалась запертой.

— Уже поздно, — прошептала Софи.

Я не понял, за кого она это сказала — за себя или за Дракулу.

Она подошла к журнальному столику, чиркнула спичкой и зажгла плоскую спиртовку под похожим на колбу стеклянным чайником. Над спиртовкой появился круг синего огня.

— Чайник очень современный, — отметил я. — Разве такие были в его время?

— Не знаю, — сказала Софи.

— А когда именно жил Дракула?

— Проще считать, что всегда. К великим трансцендентным существам вообще неприменимо такое понятие, как даты жизни. Их всегда окружают анахронизмы и абсурдные хронологические нестыковки. В разные времена Дракула появлялся среди людей в разных обликах и сильно растянул свое физическое бытие с помощью особых практик. Я даже видела изречения Дракулы, где он говорит о компьютерных программах и вирусах. Но это, конечно, уже перебор...

Софи поглядела на часы.

— Увы, мое милое дитя, — сказала она басом, — когда я говорил, что на мне и на этом месте лежит проклятие, я не шутил.

— Ты меня пугаешь, — сказал я.

Она довольно улыбнулась.

— У меня нет власти над тем, что здесь произойдет, — произнесла она тем же томным голосом. — Если хочешь уйти, уйди! Да, да, уйди — зачем тебе гибнуть вместе со мной? Да, я этого хочу — но не ради себя, а ради тебя, ради чистого цветка твоей юности... О нет, только не это! Она не открывается? Значит, уже поздно... Вот оно, проклятие, о котором я говорил...

Слова Софи предполагали некоторый драматизм происходящего — но она произносила их без особого выражения, засекая время по часам и делая большие паузы между словами.

Потом она села за столик — и пригласила меня сесть рядом.

— Пьем чай, — сказала она своим обычным голосом — и действительно принялась заваривать чай в блестящих химической чистотой стеклянных сосудах, стоявших перед ней на подносе.

Я устроился в кресле напротив.

— Что тут происходит?

— Видишь ли, — сказала она, — граф Дракула был не только донжуаном, но и женоненавистником, что является довольно обычным сочетанием. Он знал, на какие клапаны женского сердца следует нажать, чтобы быстро добиться желаемого. Но он повторил ритуал соблазнения столько раз в своей жизни, что постепенно стал испытывать от него смертную тоску. В конце концов он решил, в полном соответствии с модой позапрошлого века, механизировать его.

— Как можно механизировать соблазнение?

Софи поглядела на часы и сделала гримасу, которая должна была изображать серьезное мужское лицо.

— Ты хочешь знать, — заговорила она басом, — кто именно меня проклял? Не спрашивай. Темные тайны вампиров не сделают тебя счастливой, милое дитя. Твой чистый и светлый ум не вместит ужаса этой ледяной ночи... Нет, тебе не следует знать...

Реплики соблазняемого создания никто не озвучивал, но они были предельно понятны и так.

Я услышал тихий скрежет. А потом заметил, что пол пришел в движение. Он начал опускаться — и мы вместе с ним. Кровать, однако, оставалась на месте.

Софи, как и положено соблазнителью, сохраняла спокойствие и улыбалась.

— Не бойся, дитя, — пробасила она. — Мы еще не на дне ада... Пока...

— Он что, действительно это говорил? — спросил я.

— Угу. Изверг, конечно.

Шахта, в которую мы погружались под клацанье невидимых шестерен, делалась все глубже. То, что было раньше плитами пола, оказалось плоскими верхушками четырехугольных колонн. Кровать-крокодил теперь нависала над нами — казалось, мы смотрим снизу на огромную морду древней рептилии. Плиты пола образовали что-то вроде ведущей вверх лестницы — по ней еще можно было вернуться к бархатным зубам.

Софи поглядела на часы.

— Пропать... — сказала она басом. — О, если бы я мог просто забыться навек в этой бездне... Но мне уготовано иное...

Прошла еще пара секунд, потом что-то булькнуло, и на самой низкой плите пола стала собираться темная лужа. Жидкость быстро поднималась — и скоро затопила несколько плит. Она была красной. Темно-красной.

— Зачем он это придумал? — спросил я.

— Дракула говорил, что его унижает необходимость предкоитальной лжи. И старался свести к минимуму все, как он выражался, лицемерные мелодрамы.

— Вот таким образом? — спросил я, кивнув на красную лужу, постепенно поднимающуюся к нашим ногам. — А не слишком хлопотно?

— Если ради одного случая, да. Но у него все было поставлено на поток. Он эксплуатировал созданный им романтический ореол многие десятилетия. Если не века. Его итальянские и греческие приключения когда-то вдохновили Джона Полидори на первый значимый образ сексуально активного вампира-аристократа. Многие сегодня понимают это как аллегорию британского колониализма, но действительность куда проще...

Я вспомнил стихи из школы. Это был один из тех редких случаев, когда я твердо знал, кто написал запомнившиеся мне строчки.

— «Британской музы небылицы тревожат сон отроковицы. И стал теперь ее кумир или задумчивый вампир, или...» Кто-то там еще, — сказал я. — Пушкин.

— Вот видишь, даже до ваших сугробов докатилось. Дракула старался не отходить от образа без крайней нужды. Плащ с красной изнанкой, накладные, извиняюсь за выражение, клыки — все это ввел в моду именно он. Цинично, конечно. Однако работало лучше, чем все сегодняшние методики пикапа.

Я вспомнил, как мой учитель Локи определял «пикап» — «совокупность подлых ухваток и циничных хитростей, принятых среди нищелюбов, не способных или не желающих честно расплатиться с женщиной за секс». Но вслух этого я, конечно, не сказал. Вместо этого я спросил:

— Почему женщины попадают на такое?

— Женское сердце само ищет возможности обмануться, — вздохнула Софи. — Поэтому обмануть его совсем нетрудно.

Между тем красная краска поднималась все ближе к нашим ногам. Выглядело это и правда мрачно.

— По-моему, — сказал я, — тебе пора что-то пробасить.

Она поглядела на часы.

— Темное море возмездия, — заговорила она басом, — вот-вот сомкнется над моей головой. Погибель заслужена мной в полной мере, и я не ропщу... Как жаль, милое дитя, что ты разделишь мою судьбу...

Я молчал.

— Тут тебе полагалось задать вопрос, — сказала она нормальным голосом. — Насчет того, можно ли остановить проклятие.

— Будем считать, что я его задал.

— Спасти меня могла бы только любовь, — пробасила она в ответ, — вдруг вспыхнувшая в сердце юного и чистого существа... Но мыслимо ли такое?

— Какое-то Кентервильское привидение, — наморщился я.

Софи кивнула.

— Теперь ты знаешь, откуда молодой Уайльд взял сюжет.

— Он что, тоже здесь сиживал?

Софи как-то неопределенно пожала плечами.

— Неужели этот примитив работал?

— Работает только простое, — сказала Софи. — И в простом, и в сложном... Вот представь себе, что ты девушка Дракулы, которая понимает, что красная жидкость вот-вот испачкает ее любимое платье, и ищет цивилизованный выход из этой дикой ситуации. Что бы ты сказал?

— Любовь? — спросил я тоненьким голоском. — Не знаю, мое сердце отдано другому. Но луч сострадания в нем так ярък, так светел... Он сумеет вырвать тебя из мрака, милый Дракула... Вот моя рука...

— Отлично, — сказала Софи. — Практически слово в слово. А где рука?

Я встал и подал ей руку. Она взяла меня за пальцы — и повела по узкой и крутой каменной лестнице. Мы поднялись наконец вверх и повалились на кровать.

Теперь это было единственное высокое и безопасное место в спальне. Выйти из комнаты было нельзя — под входной дверью был обрыв, на дне которого темнела красная жидкость. Чайный столик казался Атлантидой, уходящей в океан возмездия.

Методика Дракулы начинала мне нравиться.

— Мне нужно в ванную, — сказал я.

— Опять практически по тексту, — засмеялась Софи. — Вон туда.

Я увидел, что не все плиты пола возле кровати ушли вниз — вдоль стены осталась дорожка к неприметной дверце, скрытой за зеркалом. Дорожка напоминала тропинку в горах — пройти в ванную можно было только прижавшись к одному из рыцарей, а потом к стене.

Я никогда прежде не видел викторианских санузлов, и у меня возникло ощущение, что я совершаю святотатство на алтаре неведомого бога. Когда я вышел из храма фаянса и меди, Софи лежала на спине, подложив под голову подушку, и внимательно смотрела на стену с картинами. Перебравшись по каменной тропинке назад, я деликатно прилег рядом и сказал:

— Кажется, я понимаю этический смысл этого ритуала.

— Вот как. И в чем он?

— Я много раз замечал, что женщина... Как бы сказать... Не то чтобы испытывает страх перед соитием... Она, скажем так, не хочет брать за него ответственность. Ответственность всегда должна лежать или на партнере, или на непреодолимом стечении обстоятельств. Дракула, видимо, тоже не хотел брать на себя слишком много ответственности — и решил использовать непреодолимое стечение обстоятельств, которое постарался механизировать. Чтобы максимально упростить предварительную мелодраму... Я думаю, он не рассчитывал, что его спутница поверит в реальность происходящего — женщины все-таки не настолько глупы. Он

лишь давал ей возможность сделать вид, что она поверила. Чтобы она могла сохранить лицо во всем его бесчеловечном оскале. Очень по-английски. Настоящий джентльмен...

— Ничего ты не понимаешь, — сказала Софи почти нежно.

— Да?

Она кивнула, поглядела на часы и пробасила:

— Мой падший ангел... Я говорю «падший», потому что ты уже почти рухнула на дно греха вместе со мной... Но светлый луч любви в твоём сердце спасет нас обоих, я это знаю... Довольно же слов...

Она повернулась ко мне, и ее губы накрыли мой рот. Я вдруг понял, что Дракула в это время переходил к делу, и она, кажется, настроена серьезно. Я поцеловал ее в ответ, а потом ее руки прошли по моему телу, и я понял, что она настроена не просто серьезно, а окончательно серьезно...

Следующие полчаса я опушу. Это одно из самых сладких и нежных воспоминаний в моей жизни, делиться которым я пока что не готов. Да и не с кем.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)